

Абхазский научно-исследовательский институт краеведения

А. ОЛОНЕЦКИЙ

ОЧЕРКИ

ПО РАЗВИТИЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АБХАЗИИ

(ОЛОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Типография издательства
„Советская Абхазия“ и „Апсны Капш“, Сухум, Фрунзе, 33.
Абглавлит № 57—А. Заказ № 1086. Тираж 20

ОБРАЗОВАНИЕ АБХАЗСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО РЫНКА И ОРГАНИЗАЦИЯ В АБХАЗИИ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В первое десятилетие, после занятия войсками российского царизма, Абхазия не была и не могла быть объектом активной колониальной политики российского капитализма. Военно-феодалный российский империализм в первой половине XIX столетия определял колониальную экспансию, прежде всего, не как организацию рынков для нарождающегося российского капитализма, но как организацию базы для расширенного воспроизводства крепостнического хозяйства. Укрепление в Закавказьи политического господства верховного выразителя крепостнических отношений—российского самодержавия, вот в чем была основная цель.

Занятие абхазского побережья российскими войсками было, прежде всего, необходимостью обеспечения Закавказских российских войск. Оставаясь под таким „влиянием“ западный Кавказ создавал непосредственную угрозу успешности борьбы России за ее гегемонию на Восточном Кавказе и в Закавказьи.

„Сам“ Ермолов в своем докладе министру иностранных дел в марте 1820 г.—по вопросу о возможностях отъезда России от Абхазии—писал следующее:

„С уступкой Сухумской бухты разовьется морское пиратство и в короткое время наши купеческие суда уже не осмелятся приходить в Редут-Кале и мы, лишившись подвоза из России провианта, не в силах будем защищать наших владений и тогда лишимся не только Абхазии“.

Значение торговых путей по Черному морю призналось Ермоловым лишь с точки зрения обеспечения процветания российских войск в Закавказьи.

В 1840 г. генерал Раевский, оставивший после себя специальную записку „О торговле с горцами и переселении на восточный берег“—также фактически не шел дальше Ермолова в своей мотивировке необходимости укрепления торговых связей России с Черноморским побережьем Кавказа. Так же, как и для Ермолова—для Раевского определяющими были не интересы российской торговли и промышленности, не открытие для них новых колониальных рынков, но интересы политической гегемонии российской государственности, которая должна была укрепиться в Абхазии через развитие торговли с Россией, через вытеснение экономического „влияния“ Турции и Англии.

Намечая ряд льгот для торговли в Сухуме, Новороссийские, Геленджике (с очень характерной оговоркой „из сего, однако же, исключаются евреи и мусульмане“), Раевский указывает—„Правительство удостоверялось, что запрещение торговать с горцами препятствует их усмирению, поощряет контрабанду, усиливает влияние Турции и что, кроме того, запрещение торговли заставляет горцев искать средства к независимому существованию от России“.¹

Царские генералы категорически протестовали против возникшей в 40-х годах среди представителей развивающегося российского капитализма мысли об экономическом завоевании Черноморского побережья по „английскому“ образцу через образование монопольной торговой компании и превращение укрепленных пунктов черноморской линии в торговые фактории.

Гр. Воронцов в письме к ген. Головину от 8.12.1842 года развивает целый ряд аргументов в защиту свободы торговли „и недопустимости“ торговых монополий. „Всякое исключительное право, дарованное компании пишет этот своеобразный манчестерец, — будет служить только к уничтожению местной промышленности. Всякий производитель не имея возможности состязаться с компанией, принужден будет оставить свои действия. Соображая же это с благодетельными видами правительства на прямые начала торговли“.

В дальнейшем изложении „сиятельный“ защитник частных „производителей“ и „прямых начал торговли“ крывает свои карты:

¹) Акты Кавк. Ар. Ком. т. IX стр. 470 и след.

„Еще менее продолжает он, заслуживает внимания мнение одного из негоциантов, который желает все укрепления наши на восточном берегу обратить в фактории, подобные заведенным англичанами в Ост-Индии, и отдать в руки частных людей и торговлю, и способы защиты края“. Отдать торговлю и даже „способы защиты края“ в в руки „частных людей“, изъять их из под „благодетельного“ правительственного руководства—было отчего притти в трепет царскому сатрапу.

„Гражданское устройство береговой линии должно остаться политической мерою для постепенного сближения с нами горцев, а до достижения этой цели, торговля береговой линии не может принести не малейшей пользы ни Закавказскому краю, ни самой России“—так заявил в 1844 г. член совета главного управления Закавказским краем Семенов. Специально посланный в том-же 44 г. для обследования экономики Закавказья чиновник особых поручений при министерстве финансов Гагемейстер писал— „меры, которые предполагаются правительством для оживления торговли в сих местах, не имеют целью выгоды русских промышленников, но торговля должна служить единственно способом к укрощению нрава горцев: она должна возбудить в них новые нужды и заставить их заниматься мирными промыслами“¹.

И так торговля России с Кавказским Черноморским побережьем должна была по мнению царских генералов не способствовать колониальному проникновению русского капитализма,—но исключительно обеспечивать „гражданское устройство береговой линии“, да и эта „польза“ от развития торговых сношений ставилась под вопрос.

Влияние России на экономику Абхазии в первый период после проникновения русских войск на Черноморское побережье выразилось лишь в почти полном разрушении того хозяйственного наследства, тех экономических связей которые Россия получила от Турции.

Представители царской России на Кавказе—военные и штатские крепостники - генералы, спившиеся и опустившиеся офицеры, искатели на „погибтельном Кавказе“ легкой наживы, мелкие и крупные мародеры, авантюристы спекулянты и армейские поставщики, колониальные чинов-

¹ Акты, т. XI см. прения на стр. 662.

ники—все эти господа меньше всего были склонны способствовать развитию экономики Черноморского побережья. Грабительские нравы худших дореформенных российских канцелярий, усугубленные сознанием полнейшей безнаказанности насилий над „непокорными“ абхазцами—создавали такую обстановку „первоначального накопления“, перед которой бледнели подвиги первых колонизаторов Америки.

Результаты не замедлили сказаться.

Рынки Абхазии, в недавнем прошлом переполненные товарами,—опустели. Торговля на побережьи почти прекратилась. Русские купцы, не субсидируемые правительством почти не посылали своих судов из портов юга России в Абхазию. Товары шли на выюках из Тифлиса. Развивалась массовая контрабанда, бороться с которой русские были не в силах. Сухум—этот город при турках, по выражению Раевского, „богатый, здоровый, веселый,“—пришел в полный упадок. Французский путешественник Гамба, посетивший Сухум в 1820 г. пишет, что город состоял всего из базара и единственной улицы¹. „Сухум имел очень печальный вид“—говорит о Сухуме в те годы в своих воспоминаниях атаман черноморского казачьего войска Филипсон². Санитарное состояние Сухума в 30-х годах прошлого столетия, по словам генерала Раевского, характеризовалось тем, что в эти годы из 659 человек сухумского гарнизона в среднем в год умирало 154 человека. Тоже было и по всему побережью. Всякая хозяйственная жизнь замирала. Вместе с тем, экономическая политика российского правительства в Закавказье приводила к фактическому усилению экономического влияния иностранного капитала и подрывала экономическую базу российской государственности на Кавказе. Приводимые в „обзоре производительных сил Кавказского наместничества за 1879“³ сведения о внешней (с „заграницей“) торговле Закавказья очень интересны в этом отношении.

Согласно данных „обзора“, первые данные о внешней торговле Закавказья относятся еще к 1821 г. В первое десятилетие внешняя торговля Закавказья в среднем

¹ Кудрявцев.— Сборник материалов по истории Абхазии.

² Воспоминания Г. И. Филипсона. Москва. 1885 г.

³ Тифлис. 1880 г.

равнялась 1.708.521 р. по импорту и 700.573 р. по экспорту. После 1832 г. с введением охранительного таможенного тарифа, привоз иностранных товаров упал до 631053 р., но уже в 1834 г. вновь поднялся до 1.743.932 р. и к 1846 г. достиг суммы 3892768 р., а к 1851—4.193.433 р. Экспорт к 1846 г. почти остался на уровне десятилетия 1821—1831 г. г. и достиг суммы лишь 573.456 р., в 1851 г. экспорт равнялся 1.1404.800 р. Таким образом, „заграничный“ импорт Закавказья увеличился с десятилетия 1821—1831 г. до 1851 г. за 30 лет почти в 2,4 раза, экспорт же растет за то же время только в 1,6 раз. Пассивность внешн. торгового баланса Закавказья увеличилась.

Таблица № 1

Торговля Закавказья с „заграницей“ (без торговли с Россией).

	Импорт	Экспорт	% экспорта к импорту
1821—1831 г. .	1708521 р.	700573 р.	41,0
1851 г. . .	41693433 р.	1104800 р.	26,3

Торговля с Россией в этот период была совершенно ничтожна. Закавказье было связано с метрополией лишь Военно-Грузинской дорогой да немногочисленными казенными судами, совершающими нерегулярные рейсы по Каспийскому и Черному морю.

Война 1854—56 г. г. во время которой Кавказское побережье Черного моря было занято Турцией, показала иллюзорность и политической гегемонии России в Закавказье.

В 1857 г. наместник Кавказа в своей докладной записке указывал Александру II-му. „В настоящее время Закавказские области связаны с империей только на географической карте. В сущности они составляют край, во всех отношениях отдельный от прочей России. Чрезвычайное затруднение в сообщениях и огромные расстояния от пунктов, в которых сосредоточены главные силы государства вполне раз'единяют Закавказье с империей и в военном и в экономическом отношении“.

Кризис крепостнического хозяйства в России метрополии привел к аграрной „реформе“ 1861 года,—о которой Ленин сказал, что она“ была проводимой крепостниками буржуазной реформой“. В Грузии аграрная реформа была проведена в 1864 г., в Абхазии в 1870 г.

В Закавказье она носила еще более реакционный характер, чем в России, в Абхазии была реакционнее, чем в остальной Грузии. Отсутствие промышленного капитала на Черноморском побережье, доминирование на нем колониального торгового капитала, обеспечили еще более откровенно крепостнический характер „реформы“. Тем не менее, такой характер „реформы“ мог лишь затормозить развитие производительных сил Абхазии, определить ее колониальную аграрную спецификацию, но не повернуть историю вспять. Развивающийся российский капитализм требовал колониальных рынков, и экономическое значение Закавказья начинает все более и более с этого времени подчеркиваться, даже в официозных выступлениях. „Много крови и денег стоили нам Кавказ и средне-азиатские владения, но тяжелые сие затраты производились в надежде на водворение мира и гражданственности в диких местностях, в видах облегчения и расширения наших торговых и промышленных дел. Но, вложив меч в ножны, достигнув тяжелыми усилиями заданной цели, пора нам подумать о бережливости и получении интересов на затраченные капиталы“.¹ ... Эти слова профессора Бабста, сказанные в отзыве обществу для содействия русскому, торговому мореходству, в начале 70-х годов, не соответствуют действительности, в части указания на общие цели завоевания Кавказа, но они правильно отражают те „надежды“, которые питали по отношению к Кавказу-российской колонии-представители развивающегося российского капитализма.

В 1857 г. было открыто пароходство по р. Риону до Орпири, и установлены регулярные пароходные рейсы по Черному морю на судах русского общества пароходства и торговли. В 1863 г. было начато строительство порта в г. Поти.

Торговые обороты Закавказья с Россией увеличились и в последний год перед войной 77-78 г. г. уже превосходили обороты „внешней“ (без торговли с Россией) торговли Закавказья. (См. табл. на ст. 9).

С 1872 г. по 1876 г. увеличение торгового оборота с Россией составляет 7552194 р., за тот-же период торговый оборот с „заграницей“ уменьшился на 595520 р. Закавказье становилось действительной колонией русского капита-

¹ Верещагин А. В.— Колонизация Черноморского побережья Кавказа. СПб. 1878.

лизма. Процесс образования Закавказского колониального рынка затормозился войной 77-78 г. г. с тем, чтобы приобрести форсированные темпы развития в 80-е годы.

Таблица № 2

Торговые обороты Закавказья (в рублях)

Годы	Импорт		Экспорт		Итого	
	Торговля с Россией	Внешняя торговля	В Россию	Внешний	С Россией	Внешние
1872 . . .	5333783	9451029	1908141	5629413	7242924	15086442
1874 . . .	8936108	8163852	2958514	5906280	11894652	14070132
1876 . . .	11923262	8310545	2871856	6180453	14795118	14490999

Попытка русского царизма в конце 70-х годов расширить сферу своего экономического и политического влияния через включение в число русских колониальных провинций-Константинополя-окончилась неудачей. Значение Закавказья, к которому после русско-турецкой войны 1877-1878 г. г. был присоединен Батум, как одной из ближайших русских колоний, еще более усилилось. Все это вызвало ряд мероприятий русского правительства, направленных к оживлению хозяйственной жизни Закавказья и стимулировавших усиление развития в нем капиталистических отношений. Главнейшими мероприятиями в этом направлении были-изменение таможенных тарифов, в частности, прекращение в 1883 г. льготного транзита иностранных товаров через Закавказье, и поощрение частного железнодорожного строительства на Кавказе, в частности строительства оконченной в том-же 1883 г. основной Закавказской железнодорожной линии Поти-(Батум), Тифлис-Баку. Первое мероприятие-введение „покровительственной“ таможенной системы должно было поставить преграду для заполнения Закавказских рынков не русскими товарами и гарантировать монопольные права русской промышленности и торговли. Второе-должно было создать импульс к усилению товарности хозяйства Закавказья должно было усилить товароборот, обеспечить экспорт Закавказского сырья (и в Россию и Заграницу), сделать доступным для российского импорта самые глухие места Закавказья, оба мероприятия вместе должны были увеличить емкость Закавказского рынка для русского капитализма. Результаты не

замедлили сказаться—в ближайшие годы-пассивность баланса внешней (без торговли с Россией) торговли Закавказья была ликвидирована.

Таблица № 3

Внешняя торговля Закавказья
(без торговли с Россией)

Годы	Вывоз	Привоз	% привоза к вывозу
1877—81 (ср. г.)	6212 т. р.	7216 т. р.	116,1
1886	27812 т. р.	11452 т. р.	41,1

Заграничный импорт тормозился покровительственной системой; экспорт показал рост на 337,7%, в то время, как за 20 предыдущих лет (с 1862 по 1881 г.) он возрос всего лишь на 30,4%. Еще большие изменения претерпел баланс внешней торговли Закавказья через Черноморские порты:

Таблица № 4

Внешняя торговля Закавказья через порты Черного моря
(без торговли с Россией)

Годы	Вывоз	Привоз	% привоза к вывозу
1862 — 1881 (ср. годов.)	3922 т. р.	3985 т. р.	101,6
1886	22630 т. р.	4059 т. р.	17,9

Экспорт увеличился более, чем в 5 раз, импорт остался почти без изменений, одновременно отношение ценности товаров, прошедших через черноморскую границу к общей сумме оборотов по внешней (без торговли с Россией) торговле Закавказья возросло с 59% (1862-1881) до 8% (1862 г.) Увеличение экспорта Закавказья шло, главным образом, за счет увеличения вывоза хлеба и нефтяных продуктов-в 1886 г. из Закавказья было вывезено хлеба-11249 т. п. (при урожае около 118000 т.) на сумму 9292 т. р. и около 7000 т. п. нефтяных продуктов (преимущественно через Батум) на сумму свыше 6000 т. р.

Сельское хозяйство Закавказья становилось действительно товарным хозяйством-около 10% всей своей продукции оно выбрасывало только на „заграничный рынок“. Буржуазная эволюция помещичьего хозяйства, через еще большую вдвойне эксплуатацию крестьянства, развивалась быстрыми темпами, крестьянское хозяйство теряло свой натуральный характер. Кавказ „страна слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная

горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев винами, фабрикантов пшеницы и табаку“¹. Открытие железнодорожных путей дало сильнейший толчок росту товарного обращения, а, следовательно, и росту товарного производства, ибо „как известно, товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего“². Покровительственная таможенная система обеспечила высокие доходы промышленников, обеспечила возможность дополнительного грабежа населения, обеспечила привлечение заграничных уже не товаров, но капиталов. С этого времени развитие капитализма в Закавказье форсируется. Закавказская нефть в первые в значительном количестве появляется на международном рынке, увеличивается добыча и вывоз марганцевой руды, ставится вопрос о разработке Тквибульского угля.

Баланс внешней торговли Кавказа с Россией оставался, как и в 70-е годы пассивным. В 1886 г. с Кавказа (включая и Северный Кавказ) было вывезено сырья, полуфабрикатов и фабрикатов на 13 мил. руб., ввезено же из России на 20 мил. руб.³ Таким образом, несмотря на исключительный рост внешней торговли Кавказа с границей, российский промышленник и российский торговец не оставались в накладе — львиная доля барышей Закавказья, полученных в результате активности баланса торговли Закавказья с границей, немедленно перекачивалась в Россию.

Восьмидесятые годы в Абхазии характерны также определенным хозяйственным оживлением.

Развитие производительных сил абхазского побережья, развитие в Абхазии капиталистических отношений, изжитие остатка феодализма — в предшествующие десятилетия было заторможено не только общей для всего Закавказья причиной — аграрной политикой русского правительства, но также и тем, что Абхазия в годы 1850—1880 дважды была театром военных действий между Россией и Турцией и пережила восстание 1866 г. со всеми ужасами последующего усмирения.

¹ Ленин, т. III, стр. 464.

² Ленин, т. III, стр. 433.

³ К. К. 1887 г.

Во время Русско-Турецкой войны 77—78 г. г. почти вся территория Абхазии была занята турецкими войсками. Сухум был сожжен. В 1878 г. страну подвергли разорению русские войска. Народное хозяйство Абхазии пришло в полный упадок. Целые районы Абхазии опустели—коренное население, встречавшее в большинстве случаев турецкие войска, как избавителей от гнета русского самодержавия, частью бежало в Турцию, спасаясь от мести русских войск, часть было перебито последними во славу „белого царя“, частью скрывалось в абхазских лесах. Селения были уничтожены, посевы погибли...

По данным опубликованным в „Известиях“ Кавказского отдела русского географического общества в 1878 г., из общего количества населения Сухумского отдела „до войны“ 75.698 ч. „выселилось в Турцию“ (бежало, было перебито) после войны 31964 ч.: из Очемчирского округа, где было 3935 семей, выселилось 1071 семья, из Гумистинского уч. выселилось все 2221 семьи, проживавшие в нем до войны, из Гудаутского участка из 5293 семей выселилось 1518 семей. В Сухуме, в котором в 1874 г. было 1161 ч. жителей, в 1878 г. осталось только 210 чел.¹ Абхазский рынок, как активная величина, почти перестал существовать—вывоз упал до минимума, пассивность торгового баланса напоминала, при общем сокращении торговых оборотов, худшие времена внешней торговли Закавказья.

Таблица № 5

Торговые обороты Сухумского отдела.

Годы	Вывоз	Привоз	% привоза к вывозу
1879.	53514 р.	274623 р.	513.1
1880.	93515 р.	466411 р.	468,6

Основная масса импорта, если исключить из него казенные грузы, шла за счет импорта не русских товаров.

Такое положение не могло удовлетворить российских капиталистов, которые искали уже не только рынка сбыта для продукции своих фабрик и заводов, но и определенной для них сырьевой базы. Это не значило конечно, что расширение внутреннего российского рынка было невозможно, это значило лишь, что „фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народ-

¹ К. К. 1883 г.

² Там-же

ного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе, или в других странах или в колониях старой страны“¹.

Но и в Закавказье и в особенности в Абхазии русский капитализм встречался с отсталостью народного хозяйства, которая „суживала рынок“, встречался, прежде всего, с наличием „устарелых учреждений, задерживающих развитие земледельческого капитализма“².

В Закавказье в целом российская буржуазия, неспособная к противопоставлению себя реакционной политике царизма, поскольку российские капиталисты, особенно представители торгового капитала, были кровно заинтересованы в „твердой“ колониальной политике русского самодержавия,—боролась с этой отсталостью не через требование ликвидации феодальных пережитков, но—во-первых, давлением на русское правительство в целях принуждения его к введению покровительственной таможенной системы, и во-вторых, форсированием буржуазной эволюции народного хозяйства Закавказья усилением товарооборота через строительство и скорейшего введения в эксплуатацию железнодорожных путей. Не могла быть иной политика русского капитализма и в части Закавказья—Абхазии. И здесь, несмотря на то, что результатом русской политики было возрождение в 77—78 г.г. „турецкой ориентации“ среди большинства абхазского населения,—основы этой политики не подвергались переоценке. Реализация аграрной „реформы“, задержанная в Абхазии войной, была завершена на основании тех положений, которые были выработаны еще в конце 60-х, начало 70-х годов, лишь по отношению к крестьянам-абхазцам, „участникам восстания“ были применены особые вновь разработанные ограничения (снижение размеров наделов, запрещение селиться в прибрежной полосе).

Надежды российских капиталистов и в Абхазии были направлены на изменение таможенных тарифов, на развитие судоходства между портами Абхазии и портами юга России, на возможности развития добывающей промышленности и максимального использования сырьевых ресур-

¹ Ленин, т. III, стр. 462.

² Там же.

сов края, не затрагивая при этом интересов полуфеодалных землевладельцев.

Изменение таможенных тарифов осуществилось и дало, как и во всем Закавказье, определенные результаты— „заграничный“ импорт к 1886 г. по главнейшим портам Абхазии—Сухуму и Очамчирам -упал до ничтожных размеров и лишь немного превышал 1% экспорта по тем-же портам „за границу“.

Таблица № 6

Внешняя торговля в Абхазии в 1886 году

(без торговли с Россией)

Порты	Вывоз	Привоз	% привоза к вывозу
Сухум	179,1 т. р.	5,5 т. р.	3,0
Очамчиры . . .	593,8 т. р.	2,3 т. р.	0,38

Увенчалось успехом и стремление к усилению русского каботажного судоходства—удельный вес грузов, привезенных в Сухум и Очамчиры на судах „заграничного“ плавания равнялся в 1886 г. лишь 8,2% в общем количестве грузов привезенных в эти порты.

Таблица № 7

Движение коммерческих судов „заграничного“ плавания и каботажа в 1886 году

Порты	Пришло в 1886 году			
	Судов	Ластов ¹ груза	В том числе „заграничного“ плавания	
			Судов	ластов груза
Сухум	330	64987	78	2931
Очамчиры	217	34492	101	5282

Значительно печальнее обстояло дело с развитием добывающей промышленности. Первые попытки разработки недр Абхазии были сделаны российскими колонизаторами еще до войны 1877—78 г. г. В 1863 и 1864 г. г. генерал Шатилов приступил к разработке свинцово-серебряных руд на горе Дзышра; в 1867 и 1876 г. г. инженер Цулукидзе и

¹ Ласт — 2 тонны.

Сорокин проводили обследование рудных месторождений Абхазии. После русско-турецкой войны, в самом начале 80-х годов в управление сухумского отдела поступили следующие „заявки на право разработки естественных богатств“:

1. „Значительные залежи каменного угля, весьма высокого достоинства, в Бзыбском ущелье заявлены были купцами Аваловым, Караевым и ст. сов. Лундушевым“.

2. В том-же ущелье „заявлена капитаном арт. Скиндером свинцовая руда“.

3. „В Гумск. ущелье“ были „заявлены разные руды“ Шатиловым и К^о“.

4. В том-же ущельи были „заявлены“ залежи малахита

5. В верховьях р. Джамхал была „заявлена“ серебро-свинцовая руда.

Но заявки остались только заявками—„главным препятствием разработки этих естественных богатств служит отсутствие путей сообщения“—печально замечает обозреватель кавказского календаря за 1883 г.

Впоследствии в 90-х год. и начале 900-х годов стали известны залежи магнитного железняка на горе Сангара, в Ткварчельском ущельи и др. местах, залежи меди в Гупской общине, Ткварчельской даче, вблизи урочища Ажара, свинцовый блеск—на горе Мамдзышха, во всем Окумском ущельи, стали известны и богатые залежи каменного угля в Ткварчелах. Но разработка всех этих богатств почти не производилась, и вплоть до самой революции горно-добывающей промышленности в Абхазии почти не было. (См. таблицу на странице 16-й).

Это все, или почти ничего, при действительно богатейших горных богатствах Абхазии, которые были хорошо известны русским промышленникам.

Объяснение такого неуспеха горно-добывающей промышленности, лежит, конечно, не в „отсутствии путей сообщения“.

Самое отсутствие путей сообщения-отсутствие организации их в Абхазии в то время, когда вся Россия переживала горячку строительства железных дорог, весьма симптоматично.

Таблица № 8

Горно-добывающая промышленность в Абхазии¹
(добыто в пудах)

Годы	Серебр.-свинцов. руды на горе Дзышра	Серебр.-свинцов. руды на горе Ахизта-Акары	Ткварчельский каменный уголь
1897 . . .	865	—	—
1898 . . .	—	—	190
1899 . . .	1500	—	—
1906 . . .	3000	—	—
1908 . . .	3200	—	—
1910 . . .	—	3000	—
1911 . . .	7500	1000	—

„Русская железнодорожная сеть возросла с 3819 километров в 1865 г. до 29063 километров в 1890 г., т. е. увеличилась более, чем в 7 раз“.² В Закавказье, в годы 67-83 была построена железная дорога Поти-Тифлис-Баку, в 1877 г. -Рион-Кутаис, в 1880 г.-Баку-Сурханы-Сабунчи, в 1883 г. Самтреди-Батум, 1887-Кутаис-Тквибули и т. д.

Черноморская железнодорожная ветка, соединяющая Абхазию с Грузией и с Северным Кавказом, так и не была достроена до революции.

Впервые встал вопрос о строительстве Черноморской жел. дор. в конце 70-х годов. В 1877 г. А. В. Верещагин писал в („Гражданине“ оспаривая значение Потийского „порта:“ Если от Ново-Сенакской станции, через Зугдиды, будет устроена ветвь железной дороги к Сухум-Кале, исполнение чего не представляет затруднений, то Потийский порт потеряет значение и для внутренней линии (т. е. линии от Одессы и Таганрога, вдоль всего Кавказского побережья“)³, Торговое значение Черноморской железной дороги учитывалось даже в то время, когда Абхазия была еще занята турецкими войсками. В январе 1882 г.

¹ К. К. 1907, 1908, 1910, 1912, 1913 г.

² Ленин, т. III, стр. 432.

³ А. А. Верещагин, — „Колонизация Черноморского побережья Кавказа, СПб, 1878 г.

на заседании Кавказского Отделения русско-технического общества в прениях по докладу А. В. Даля „Проект Военно-Сухумской дороги“ необходимость строительства Черноморской железной дороги отмечалась рядом выступавших (Герсеванов, Проценко, Бреверн)¹. В 1883 г. 30-го ноября (ст. ст.) в сухумском городском полицейском управлении, выполнявшем в те годы функции Городской думы, состоялось совещание „граждан“ города Сухума, на котором было решено, „ввиду изолированного положения Сухумского округа, вследствие чего в течении последних 30 лет наши движимые и недвижимые имущества три раза совершенно были уничтожены, а равно, вследствие того-же изолирования полную невозможность эксплоатации естественных богатств страны и сильную дороговизну на все жизненные продукты ... просить о проведении от м. Ново-Сенаки до г. „Сухума железной дороги“². Результата это ходатайство никакого не имело. В июне 1898 г. „граждане“ гор. Сухума вновь возбудили вопрос о соединении Сухума железной дорогой с Закавказьем и Северным Кавказом. Результат был тот-же. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе „отклонил“ ходатайство, сопроводив свой отказ формальной мотивировкой „о желательности предоставить разработку объясненного вопроса имеющему быть открытым в недалеком будущем Сухумскому Городскому Общественному Управлению“³. Прошло 18 лет, Городская Дума в Сухуме не только существовала, но уже доживала последние годы своего существования, вопрос о Черноморской ж. д. неоднократно поднимался, обсуждался, откладывался и согласовывался в различных инстанциях, но лишь в годы империалистической войны, накануне революции, к строительству, наконец, было приступлено. Ее постройка была утверждена в 1902 г. и к 1907 г. должно было открыться сквозное сообщение в кратчайшем расстоянии от Ростова на Дону до Батума. Только теперь приступают к постройке железной дороги по Черноморскому побережью, но и то в искалеченном виде не от Ростова, а от Армавира. „Когда-то она еще будет готова“, меланхолически писал Н. Шавров в 1916 г. в журнале „Черноморское сель-

¹ Техн. беседы Кавк. отд. Р. Техн. О-ва, Тифлис, 1882 г.

² Центрархив АССР Абхазии, дело сух. гор. упр., 1883 г.

³ Центроархив АССР Абхазии, дело гор. управы, 1898 г.

ское хозяйство"¹. Он ошибся—постройка так и осталась незаконченной. Революция получила в наследство строительство Черноморской жел. дороги незавершенным. Та же участь постигла и строительство Сухумского порта,² устройство которого имело также исключительное значение в деле промышленного развития Абхазии.

Необходимость устройства порта на Абхазском побережье признал еще ген. Раевский, который писал в 1840 г. в „записке о торговле с горцами“: „Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области: ему предназначено... быть путем торговли Западной России с Персией и Азиатской Турцией.“³ В 1874 г. вопрос об организации Сухумского порта был поднят министром путей сообщения Посьета, но был признан „несвоевременным“ и оставлен „открытым“. В 1888 г. в Сухуме была построена железная пристань, в 1890-1897 г. была устроена каменная набережная. В 1896 г. министерством путей сообщения были произведены портовые изыскания и составлен проект портовых сооружений в Сухуме, но вопрос вновь заглох вплоть до 1902 года, когда, в связи с предполагаемым началом строительства Черноморской железной дороги, министерство путей сообщения „распорядилось“ о немедленном приступе к производству дополнительных изысканий в сухумской бухте с целью выяснения условий и стоимости предстоящих там работ, по устройству порта, как экспортного пункта железной дороги, отвечающего значительному грузообороту.

Составленный на основании этих „дополнительных“ изысканий проект был утвержден соответствующими инстанциями, было приступлено к подготовительным работам, но в 1904 г., эти работы, с началом Русско-Японской войны были приостановлены. В 1908 и 1910 и 1911 г. г. вновь поднимался вопрос о портостроительных работах у Черноморского побережья—к портам первой очереди были отнесены порты—в Сочи, Ермоловске, Сухуме, Лазаревской, Гудаутах и Анапе, к портам II-й очереди—Джубге и

¹ „Черноморское сельское хозяйство. 1916 г., № 6-7-8.-Сухум.

² Существ. до наст. вр. сухумский порт является т. н. рейд. портом.

³ Акты Кавказской археологической комиссии, т. IX.

Очемчирах¹. В Сухуме вновь были начаты подготовительные работы, но они снова были приостановлены с началом войны с 1914 года.² Стоимость работ по строительству Сухумского порта, согласно сметы, составленной в апреле 1914 г., определялась в трех вариантах—3350 т. р., 2370 т. р. и 1950 т. р. Крупнейшим накладным расходом строительства являлся расход на „отчуждение частно-владельческих земель“ и на покупку права разработки каменных карьеров в имении князя Шервашидзе. Этот расход по третьему дешевому варианту составлял сумму в 300,6 т. р. или свыше 15% общей стоимости.

Не менее плачевно обстояло дело и со строительством гужевых дорог. Почти одновременно с вопросом о строительстве Сухумского порта— в 40-х годах прошлого столетия—возник и вопрос о развитии шоссейных дорог в Абхазии—прежде всего, дорог, которые должны были соединить Абхазию с другими частями Кавказских Российских владений. В начале такому строительству придавалось исключительно военное значение. В июле 1843 г. ген. Нейдгардт писал ген. Чернышеву—„с успешным развитием береговой линии тесно соединено и проложение дороги из Абхазии через главный хребет Кавказских гор на Закубанскую область. Дорога эта начиная от Сухума, должна идти через Марамду и Дальское ущелье и после перевала через горы выйти на северную покатость оной“... В 1858 г. по приказанию Командующего войсками „правого крыла“ Кавказской армии было проведено обследование „с целью исследовать возможность и определить средства, потребные для проложения дороги в Абхазию“. В результате этого обследования была составлена „записка корпуса путей сообщения подполковника Иогеля о проложении дороги долины реки Кубани по ущелью реки Теберды, на южный склон Кавказа в долину реки Кодора“.

¹ Согласно другого варианта к работам первой очереди были отнесены порты-убежища в Анапе, Джубге, Ермоловке и Сухуме. К работам второй очереди — порты в Береговой, Лазаревской, Сочи, Гудаутах и Очемчирах.

² Записка отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности в совет по делам торгового мореплавания от 2-го декабря 1913 года „О постройке портов-убежищ на Кавказском побережье Черного моря“. Центрархив РСФСР. 1634 — 191.

Стоимость строительства дороги была определена в 225 т. руб. В записке также указывается на преимущественно военное значение дороги, но одновременно отмечается, что „в будущем“ эта дорога „будет полезная, как внутреннее сообщение, для размена произведений Абхазии с правым крылом. Так например, с развитием виноделия, абхазцы найдут выгодным привозить сюда свое вино и брать взамен пшеницу, просо и другие хлебные продукты“¹. В 1882 году проект дороги от Сухума в Кубанскую область был предметом специального заседания Кавказского отд. русского технического общества. Со времени записки Иогеля и заседания технического общества прошло несколько десятилетий, но вопрос о развитии гужевого транспорта в Абхазии точно также, как и вставший позднее вопрос о строительстве железной дороги,—так и не продвинулся к разрешению.

„Дорожный вопрос является самым больным в нашем крае“, пишет Б. Н. Захаров в 1905 г. в статье „О необходимости введения земских учреждений в Сухумском округе“². „Итак Черноморское побережье до сих пор остается без дорог, без железной дороги и без портов“, отмечает в 1916 г. цитированный уже Н. Шавров. К 1917 г. Абхазия имела лишь одну благоустроенную дорогу—приморское шоссе, вся внутренняя Абхазия дорог, хотя-бы мало-мальски благоустроенных, не имела. Такие хронические неудачи транспортного (железнодорожного, портового, гужевых дорог) строительства в Абхазии, неудачи, сильно задержавшие усиление как внутреннего, так и внешнего товарооборота края, и, следовательно, тормозившие развитие товарности народного хозяйства Абхазии, развитие производительных сил его—не могут быть объяснены только волокитой царских чиновников. Причина их была в том же, в чем была причина общей отсталости народного хозяйства Абхазии—в „сохранении устарелых учреждений“, сохранении феодальных пережитков. Насколько именно эта причина имела решающее значение в дорожном неустройстве Абхазии видно из характернейших результатов совещания, состоявшегося в сухумской городской думе в 1912 г. во время приезда в Сухум ген. Тизенгаузена, предполагавшего организовать общество для постройки черноморской жел. дороги. Собрание кон-

¹ Акты, т. XIV, стр. 785.

² „Черноморское сельское хозяйство“. 1905 г., № 3.

чилось ничем, так как организаторы общества не могли договориться с землевладельцами побережья о стоимости подлежащих отчуждению при строительстве частновладельческих земель. „Оценка частных земельных имуществ была вздута до невероятных размеров“, пишет в отчете о совещании журнал „Черноморское сельское хозяйство“. „Расход на отчуждение земель в районе одного только Сухумского округа составил бы сумму почти равную половине стоимости всего сооружения“, читаем мы там-же¹. Помещичье землевладение ложилось таким накладным расходом на строительство железной дороги, что делало это предприятие совершенно нерентабельным². Тоже было и с портовым строительством, неохотно шли господа помещики и на благоустройство гужевых дорог, пока их хозяйство еще сохранило характер полукрепостнического, слабо товарного. Устройство дорог было для них мало оправдываемым расходом.

¹ „Черноморское сельское хозяйство“. 1913 г.

² Большое значение в торможении строительства Черноморской ж. д. играли и соображения чисто „стратегические“. Российский империализм стремясь к захвату новых рынков на Ближнем Востоке, готовился к войне, Черноморская же жел. дор., в случае войны, была легко уязвима. Напрасно гг. Адрианов и Малишевский „защитники“ Черноморки в своей брошюре „Черноморская-Кубанская железная дорога взамен перевальной через Кавказский хребет“ (СПБ, 1910 г.) доказывали, что „история указывает нам, что войны бывали через 20 — 25 лет, в настоящее же время мирных конференций, господства третейского суда... период этот еще увеличится“.. царские политики знали цену „мирным конференциям“. Наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков 26 (ст. ст.) января 1911 года писал Николаю II — „Важное стратегическое значение перевальной дороги никем не оспаривается. Черноморская же дорога в этом отношении признается лишь как возможный и только допустимый компромисс. Наш флот не в состоянии обеспечить сообщение по Черноморской дороге, последнее признал и морской министр, а при таких условиях, чтобы обеспечить для себя сообщение по Черноморской дороге, во время войны мы должны будем выделить на охрану ее значительные силы. Если это возможно в единоборстве нашем с Турцией, то недопустимо при на-и более вероятном случае — при войне нашей с коалицией, когда войска Кавказа и без того будут ослаблены, выделением значительной своей части на западную границу“. Во время „единоборства“ императорской России с коалицией, что так хорошо „предвидел“ Воронцов - Дашков, царизм вынужден был форсировать строительство „компромиссной“ Черноморки, так как строительство перевальной дороги, могло затянуться на долгие годы, потребности же фронта не ждали, в годы же предшествующие империалистической войне „стратегические“ соображения безусловно тормозили строительство Черноморской железной дороги. Письмо Воронцова-Дашкова цитировано по Красному архиву, т. XXVI, 1928 г.

Могла-ли в таких условиях, когда все попытки дорожного строительства, этой необходимейшей предпосылки индустриального развития, разбивались о косность вкоренившихся в крае народнохозяйственных отношений, могла ли развиваться в Абхазии горно-добывающая промышленность? И не только развиваться, но и вступить немедленно в жестокую конкуренцию с имеющимися „старыми“ центрами горной промышленности Российской империи. Ответ на это может быть только отрицательный. Владимир Ильич Ленин, говоря об „оттеснении Урала югом“, указывает— „насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки „освящены веками“, настолько „юг“ (в примечании В. И. указывает, что к „югу“ относятся губернии: Волынская, Донская, Екат., Киевская, Астраханская, Бессарабская, Подольская, Таврическая, Харьковская, Херсонская и Черниговская) молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости, определенного населения“¹. С чем же встречался предприниматель в Абхазии? С косным полуфеодалным бытом, полукрепостническими отношениями, с остатками натурального хозяйства, с „временнобязанными“ крестьянами, встречался с реакционным, колониальным чиновничеством и тесно связанными с ним туземными и колониальными земельными магнатами, которые очень мало были заинтересованы в развитии производительных сил края и почти не занимались даже и сельским хозяйством. Самое производство разведок по исследованию предполагаемых находений горных богатств было весьма затруднительно. Ни о какой правильной разведочной работе нечего было и думать—не было ни дорог, ни помощи со стороны владельцев земель, хотя бы этим владельцем была даже казна.

История разведок и подготовки к разработке ткварчельского каменного угля в этом отношении очень интересна. Первые сведения о ткварчельском угле относятся еще к 1881 г., когда „одно должностное лицо... заявило кутаисскому губернатору об обнаружении им признаков каменного угля в ущельи реки Пецхиквары“². В 1895 году месторождения угля были открыты в долине реки Хелик-

¹ Том III, стр. 379.

² „Известия Абно“, вып. II, Сухум, 1926 г

вары. В 1896-97 г.г. уголь был открыт в ущельях рек Пецхиквары, Кудумглу, Геджцы, Сауиквары, были сделаны соответствующие заявки, начаты примитивные первые разведки. В годы 1898—1900 разведочные работы принимают более серьезный характер и производятся под руководством ряда квалифицированных специалистов-инженеров Шах-Гули-Мирза и К. Ю. Черневского, работавших по поручению горно-промышленной кампании, во главе которой стоял горный инженер Бутми-де Кацман, геолог геологического комитета Лутугина имевшего задание от министерства земледелия и государственных имуществ, и геолога В. Н. Вебера, действовавшего от имени Кавказского Горного Управления. Работы Черневского и Вебера считались вплоть до самой революции основными по исследованию тнварчельских углерождений. Результаты их были опубликованы в самом начале 900-х годов, и с этого времени, до 1917 года „вся последующая литература представляет собой ничто иное, как пересказы с чужих слов, толкования и выводы из ранее написанного“¹. Но и эти работы были далеко не исчерпывающие и не полные. В. Н. Вебер, подвергает жестокой критике работу Черневского и указывая на рекламный и преувеличенный характер данных опубликованных последним, результаты и своей работы признает совершенно недостаточными—„к сожалению, пишет он, инструкция мне данная, не позволила пройти со с'емкой все притоки Гализги, как того требует эта трудно доступная местность, с ее неожиданными нарушениями. Для правильного выяснения строения бассейна реки Гализги, повторю необходимо пройти везде, где только можно пройти“. Тем не менее, несмотря на такое признание автора лучшей работы, никаких дополнительных исследований Ткварчел не производилось—чиновники из Кавказского горного управления в этом были мало заинтересованы, частная же инициатива неминуемо сталкивалась с „устарелыми учреждениями“, которые связывали ее по рукам и ногам. Ткварчельским каменным углем интересовался целый ряд промышленников, о нем было известно за пределами царской России—углерождение „посетили“ профессор Кардифского университета Галловей и английский инж. Эблтон, о „правах на разведку“ велся ряд судебных процессов между отдельными конкурирующими предпринимателями, в 1905

¹ „Известия Абно“, вып. II. Сухум. 1926 г.

году было организовано „Общество тктварчельских каменноугольных копей“, но к разработке тктварчельского угля до революции приступлено так почти и не было. Молодая каменноугольная промышленность Абхазии, зарождавшаяся в тяжелых полукрепостнических условиях, не могла конкурировать с донецким углем. Углепромышленники юга России охотно шли на заполнение английским углем портов Балтийского моря—при условии обеспечения за ними монополии в бассейне Черного моря, через установление в его портах заградительных пошлин на импортный уголь, появление же на Черноморском побережье тктварчельского угля их монополию нарушало и, сколько-бы ни старались некоторые патриоты Тктварчел (например: Потийский городской голова Николадзе и инженер Андронников) убедить донецких углепромышленников в „непатриотичности“ их поведения, сколько-бы не указывали на невозможность благодаря дороговизне угля приступить к переработке чистурской марганцевой руды на ферро-марганец и на закрытие Керченского металлургического завода по той же причине—это нисколько не помогало. Для того, чтобы Тктварчелы могли, если не „оттеснить“ донецкий уголь, то по крайней мере конкурировать с ним на побережье,—для этого нужны были те-же предпосылки, которые обеспечили „оттеснение Урала югом“—отсутствие феодальных традиций, сословностей, всего полукрепостнического общественного уклада. Этих же предпосылок в Абхазии не было.

Развитие всей горной промышленности Абхазии не могло быть иным, чем развитие абхазской углепромышленности. Неудача и бесплодность всех начинаний были неизбежны даже в том случае, если инициаторами разработок горных богатств Абхазии являлись и такие относительно крупные организации, как образовавшаяся в 1909 году для разработки свинцово-серебрянных и медных руд в районе горы Дзышра „горно-промышленное акционерное общество —Дзышра,,. В этом обществе в качестве акционеров принимали участие английские капиталисты, основной капитал его был определен в 2 мил. руб., но и оно развернуть намеченные разработки не смогло.

В 1912 г. к разработке недр горы Дзышра предполагало приступить непосредственно правительство, даже

ассигновало на это 25 тыс. руб. и ограничилось „подготовительными работами“¹.

Богатейшие лесные ресурсы Абхазии также как и горные богатства ее в „пореформенные“ годы становления абхазского колониального рынка не стали объектом правильной широко организованной эксплуатации.

О развитии лесопромышленности в России в это время В. И. Ленин приводит такие данные „отпуск лесного товара за-границу поднялся с 5947 тыс. руб., в 1856 год. до 30153 тыс. руб. в 1881 г. и 39200 тыс. руб. в 1894 г., т.-е. возрос в пропорцию 100:507:659, вся перевозка лесного товара в 60-х годах была около 226 мил. пудов, а в 1888-90 г. г. — 991 мил. пуд. увеличение более, чем вчетверо.² Из Закавказья вывоз „заграницу“ (без вывоза в Россию) „лесных товаров“ в 1854 г. был на сумму всего лишь 896 р., в 1886 г.-на сумму 417833 р. Учитывая даже, что показатели 1854 г.-года Крымской войны недостаточно характерны, все же должно признать, что рост лесопромышленности и в Закавказье был вне сомнения.

В Абхазии лес, задолго еще до укрепления на побережье России, был одним из основных предметов экспорта. В половине XIX столетия, с общим застоем в хозяйственной жизни края, почти совершенно прекратились и лесоразработки, но с начала 80-х годов с наступлением оживления торговли на побережье, некоторые симптомы оживления появляются и в лесопромышленности. Пионером лесопромышленности в эти годы выступил некий князь Туманов, который еще в самом начале 80-х г. „испрашивал дозволения“ на эксплуатацию пальмы в Бзыбском ущельи.³ Приступил-ли этот князь-лесопромышленник к лесоразработкам-сказать трудно, во всяком случае никаких следов о его деятельности не сохранилось. Несколько позднее возникли лесопромышленные предприятия барона де-Костекса (на р. Бзыбь), Анонимного Общества (между Кодорами и Очемчирами) и принца Ольденбургского. Все эти три предприятия к на-

¹ В 1917 году для разработки руд в районе горы Дзышра организовалось новое акционерное общество с капиталом 6 миллионов рублей. Это общество было мертворожденное — общая обстановка 1917 года мало благоприятствовала его деятельности.

² Том III, стр. 411.

³ К К. 1833.

чалу 90-х годов прогорели. Они не могли конкурировать с „лесопромышленностью“ развившейся в эти годы на землях, принадлежащих местным помещикам-туземным и русским. Даже примитивное и хищническое ведение лесозаготовок, осуществлявшихся преречисленными выше предприятиями, даже их работа была идеальным хозяйством, по сравнению с тем уничтожением леса, которое имело место на землях помещиков, сводивших ценнейшие породы леса со своих участков, полученных ими или в результате земельной „реформы“ или в виде особых даров царского правительства. Лес помещикам ничего не стоил, труд стоил гроши, особенно, если принять во внимание широкое использование труда крестьян-„временно обязанных“. Вполне понятно, что всякое предприятие пытавшееся хоть сколько нибудь наладить правильное лесное хозяйство было обречено на неуспех, всякие затраты на его постановку делали его уже нерентабельным-не конкурентно-способным.

Результатом помещичьих „лесоразработок“ было то, что уже к началу 90-х годов обширнейшие лесные площади были спустошены. Дорогой строевой лес-каштан и дуб исчез почти на всех частновладельческих доступных для эксплуатации участках, и Абхазия построечный материал стала ввозить из Херсона и Галаца.¹ К этому времени относится и попытка двух английских предпринимателей Томсона и Дюсердика получить, под предлогом разработки литографского камня, аренду на 36 лет 3000 десятии леса, в Гагринском районе с „арендной платой“ в 3 коп. (!) с десятины в год. Предложение Томсона и Дюсердика не только не вызвало отрицательного отношения в Абхазском колониальном управлении, но было встречено „сочувственно“ и в Тифлисе. Лишь энергичный протест бывш. начальника Гудутского участка лесовода А. А. Бернацкого не дал завершиться этой панаме, и сделка не состоялась.

Такая попытка и успех ее у военно-народного управления могли иметь место только в условиях полнейшего игнорирования, даже с точки зрения колониального фиска, интересов развития лесного хозяйства Абхазии. Экспорт лесоматериалов из Абхазии за границу (без экспорта в Россию) не только перестал расти, но стал даже падать в ценностном выражении.

¹ Ф о н-Д е р в и с.— Сухумский округ. Записки Кавказ. Отд. г. Общ. 1906 г.

Таблица № 9

Экспорт лесоматериалов из Абхазии „заграницу“

(без экспорта в Россию и Закавказье)¹

Порты	1886 г.	1893 г.	$\frac{0}{0}$ 1893 г. к 1886 г.
Сухум . .	72053 р.	71676 р.	99,4 $\frac{0}{0}$
Очемчиры .	84504 р.	55698 р.	65,9 $\frac{0}{0}$

Что касается оборотов торговли лесом Абхазии с Россией, то и здесь было далеко неблагоприятно-в 1893 г. Абхазия не только вывозила в Россию лесоматериалы, но и ввезла их каботажом лишь через Сухум свыше чем 50 тыс. пудов. Со второй половины 90-х годов в лесопромышленности Абхазии намечается перелом. Опустошения частновладельческих лесов в прибрежной полосе препятствовали дальнейшему развитию лесопромышленности на помещичьих землях в тех размерах, в каких она развивалась в предыдущее десятилетие, падение экспорта лесоматериалов, явившееся прямым результатом такого опустошения, вынуждало колониальное управление подойти вплотную к разрешению вопроса о правильной эксплуатации казенных лесных дач. Для развития капиталистической лесопромышленности создавалась более благоприятная обстановка, конкуренция полукрепостнического хозяйства была ослаблена, и действительно именно в это время в Абхазии возникает наиболее мощное лесопромышленное предприятие лесопромышленника Максимова, взявшего на 15 лет в аренду лесные дачи по р. Кодору.

Максимов по своим приемам хищнического ведения лесного хозяйства мало отличался от своих предшественников помещиков-лесопромышленников. Он и его агенты занимались истреблением лесов, не стесняясь в своих операциях „формальными“ соображениями, кому собственно принадлежит лес и расположен ли он на территории, заарендованной Максимовым под эксплуатацию. Вот как описывает деятельность Максимова журнал „Кавказское Сельское Хозяйство“ за 1900 г. в статье „о лесоистреблении в Сухумском Округе“²: „Лесопромышленники Метакса и Спанаки в 90-х годах затратили до 10 тыс рублей на расчистку русла Кодора, но без результатов. На сцену

¹ К. К. 1888 и 1896 гг.

² „К. С. Х.“ № 232, 1900 г.

появился херсонский лесопромышленник В. Максимов с более солидным капиталом. . . Эксплоатация Очемчирского лесничества. . . только началась, но вместе с тем пошли систематические злоупотребления. . . Укажем на истребление прекрасного пихтового леса . . . лежащего у слияния рек Секен и Клыч с Кодором. Пользуясь отсутствием хозяина, лес два года тому назад стал самым хищническим образом вырубаться и уничтожаться контрагентом лесопромышленника Максимова Жолквером. В результате 2-х летней усиленной рубки получилось то, что вырублены гигантских размеров пихты на площади в 500 десятин". Дело перешло в суд. Также было передано в суд дело о вырубке дубовых насаждений в имении Смецкого и в имении Николаева в Дальском ущельи. „Вырублено в том-же Дальском ущельи 500 каштановых деревьев в имении Гордеева. В Париаутской даче, находящейся в ведении военно-народного управления . . . Вырублено на 20000 р. дубовых и каштановых деревьев. Вырублены в имении того-же Военно-Народного Управления в даче Атароиджа 500 дубовых деревьев. Лавровый лист вывезенный из дачи Нак и стоящий несколько тысяч рублей, собран в имении того-же Военно-Народного Управления без ведома последнего . . . Из Брамской дачи вывезено под видом валежника 8000 пудов растущего пальмового леса. Вырубленный-же в количестве 10000 пудов пальмовый лес в Дальской даче не вывезен и гниет . . . Из Ткварчельской дачи под видом частной пальмы вывезено до 4000 пудов этой породы.

Максимов справедливо полагал, что имея деньги нечего бояться Военно-Народного Управления. Предприятие Максимова просуществовало почти до войны 1914 г., но и оно, как и другие возникавшие лесопромышленные предприятия, не могло получить должного развития, несмотря на свой откровенно-хищнический характер и фактически влачило существование. Общий социально-экономический характер народного хозяйства Абхазии не создавал должных предпосылок развития, даже для такого грабительского предприятия. В 1912 г. Максимов закончил свои операции с большим убытком. Перед самой войной 1914 г. в Абхазии была произведена еще одна попытка организовать крупное лесопромышленное предприятие. Это, так называемое (по фамилии предпринимателя), Балашевское предприятие было задумано очень широко и имело своей целью разработку нагорных лесов в Гагринской даче. Бала-

шевым была арендована лесная площадь размером свыше 15 т. га, у моря был построен 4-х рамный лесопильный завод, была проложена на 6 километров до хвойных лесов подвесно-канатная дорога, подготовлено полотно для узкоколейной железной дороги, в наиболее возвышенной части дачи устроены желоба для спуска бревен к сборной станции, общая сумма всех затрат доходила до 1,5 мил. руб.¹ Затраты Балашевым были произведены в пустую его предприятие было остановлено с началом войны,—не успев даже вступить полностью в эксплуатацию.

Лесопромышленность Абхазии до революции не вышла из зачаточного периода.

Таблица № 10

Лесопильные заводы в Абхазии

	1907 г.	1908 г.	1910 г.	1911 г.	1915 г.
Количество	11	9	7	8	9
Сумма продукции (в рублях)	231300	22000	58610	64610	8700
Количество рабочих	518	450	260	259	75 ²

Империалистическая война 1914 г. свела лесопромышленность Абхазии на нет. Баланс лесоторговли Абхазии оставался устойчиво пассивным, за исключением небольшого отрезка времени в годы 1904-1907 г.

Таблица № 11

Торговля лесом через сухумский порт
(в среднем за год в тоннах)

Годы	Вывоз (в Россию и загранич.)	Привоз	% привоза к вывозу
1900 — 1903	1096	1680	153,2
1904 — 1907	3361	2199	65,4
1908 — 1911	1202	3920	326,1
1912 — 1913	1067	5285	495,3 ³

¹ Н. С. Заклинский.— Леса Абхазии. 1931.

² К. К. за 1909, 1910, 1912, 1913 и 1917 гг.

³ По материалам Сухгорицана.

В показатели „привоза“ не включены данные „заграничного“ импорта лесоматериалов, но они не могут изменить общей картины, поскольку и весь то заграничный импорт в годы 1900-1913 не превышал по Сухумскому порту 130 тонн в год.

Таким образом, ни каменноугольная промышленность, ни лесопромышленность, при наличии богатейших ресурсов, в Абхазии не получили развития вплоть до революции. Уже это одно в достаточной мере характеризовало степень промышленного развития края. Характерный, по выражению В. И. Ленина спутник роста крупной и машинной индустрии-промышленность, дающая топливо и материалы для построек.— Эта промышленность, несмотря на наличие богатейших естественных ресурсов в Абхазии отсутствовала. Она не развивалась как экспортная промышленность, ибо не могла выдержать конкуренции „чисто-капиталистической“ промышленности юга России¹, не развивалась и в качестве, „спутника“ крупной машинной индустрии, поскольку последней не было и быть не могло-в условиях полуфеодалного режима, Абхазии-колонии царской России. Уничтожить эти условия, развязать развитие производительных сил края-российский капитализм не мог—для этого он слишком был связан с феодально-помещичьей российской государственностью, еще менее на это была способна зарождающаяся на базе разложения крепостнического хозяйства национальная буржуазия-плоть от плоти национальных феодалов². Для первоначального капиталистического

¹ Конкуренция Юга России давала себя чувствовать и в углепромышленности и в лесопромышленности — основная масса импортируемых в Абхазию лесоматериалов в 90-х годах шла через Херсон, в 900-х — через Новороссийск. Лесопромышленники и торговцы лесом „Юга России“ были кровно заинтересованы в сохранении экспорта леса в Абхазию и тем более в недопущении массового появления абхазского леса на рынках „юга России“. Основной же причиной, как указывалось, делающей абхазскую лесопромышленность неконкурентноспособной было сохранение в Абхазии „устарелых учреждений“.

² Я имею в виду национальную аграрную буржуазию, что же касается национальной торговой буржуазии абхазского города, которая лишь частично была связана с последышами феодализма, то ее оппозиции колониальной политике российского самодержавия не могло быть, поскольку торговый капитал был заинтересован в сохранении существовавших в крае аграрных отношений; национальной промышленной буржуазии вообще почти не было и быть не могло, не было еще достаточных предпосылок к ее образованию. О позиции мелкой буржуазии, в частности о позиции верхушечных кулацких групп крестьянства я говорю в другом месте.

накопления-просто для грабежа населения „прусская система“ буржуазной эволюции крепостнического хозяйства открывала широчайшие возможности. Этого было достаточно для Абхазии капиталистической.

Хозяйственной спецификацией Абхазии, имевшей металлосырье, имевшей топливо, имевшей лесоматериалы—сделалось сельское хозяйство.

Фабрично-заводская промышленность Абхазии вплоть до революции сохранила мелкий полукустарный характер.

Таблица 12

Промышленные заведения Абхазии
(без лесопильных заводов)

	1907 г.	1903 г.	1910 г.	1911 г.	1915 г.
Колич. предприят. . .	389	394	363	387	455
Сумма продукции (в тысячах рубл.) . .	56436	53948	60180	120852	151273
Число рабочих . .	512	520	598	785	805
или на одно предприятие в среднем:					
Сумма продукции (в тысячах рублей) .	143,0	136,9	165,7	312,2	332,4
Число рабочих . .	1,3	1,3	1,6	2,0	1,7

Абхазия действительно специализировалась „на массовом производстве сельско-хозяйственных продуктов, получая в обмен готовые промышленные изделия“.

Удельный вес общего тоннажа сельско-хозяйственных грузов, вывозимых в Россию, становился с каждым годом все больше и больше.

Вывезено каботажом через сухумский порт
(тонн груза)

	1900 г.	1907 г.	1913 г.
Всего грузов	6253	7365	12126
В том числе сельско-хозяйст- венные (хлеб, фрукты и ово- щи, табак, вино)	3302	5414	9213
Процент с сельско-хозяйствен- ных грузов к общему коли- честву грузов	52,8%	73,5%	75,9%

Вместе с тем, Абхазия все более и более увеличивала свой товарооборот с Россией-метрополией, сокращая параллельно свою „внешнюю“ торговлю с „заграницей“.

Грузооборот сухумского порта
(в тоннах)

Годы	Грузооборот по судам „заграничн.“ плавания	В процентах	Грузооборот к каботажу	В процентах
1900	8552	100 %	20369	100 %
1907	8812	103,0 %	23598	115,8 %
1913	3096	36,1 %	47153	231,4 %

Образование Абхазского рынка, как российского колониального рынка, заканчивалось, Абхазия завершила свое становление, как сельско-хозяйственная колониальная база российского капитализма, но и это становление Абхазии, ее буржуазная аграрная эволюция должна была также испытать на себе всю тяжесть сохранения до капиталистических пережитков. В этом отношении политика колониального грабежа, опиравшаяся на сохранение остатков феодализма, явилась основным препятствием в развитии производительных сил Абхазского сельского хозяйства. Царское правительство для сохранения и укрепления своей основной дворянско-помещичьей базы сознательно шло на консервацию „устарелых учреждений“, интересы капитализма России-метрополии, сохранение его монопольных прав-определяли сырьевую сельско-хозяйственную спецификацию Абхазии.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ АБХАЗИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Главнейшим тормозом развития производительных сил Абхазии, ее капиталистического развития, главнейшей и основной причиной того, что пути колониального развития Абхазии несколько отличались от путей колониального развития Грузии и Азербайджана — была аграрная политика российского военно-феодального империализма, которая по своей реакционности в Абхазии была специфична, даже по сравнению с аграрной политикой царизма в России — метрополии и в других колониальных владениях России в Закавказьи. Если в России аграрная «реформа 1861 года дала отсрочку барщине, увековечив ее под иной оболочкой, вплоть до 1905 года»,¹ если в Грузии она была, повторяя слова тифлисского предводителя дворянства Кишани, «императорской милостью» помещикам, — то в Абхазии аграрная реформа 1870 года не только дала «отсрочку» крепостническим отношениям, но и оформила их там, где они еще не получили законченного развития.

Для многочисленных абхазских «анхайю» — превращение их во «временно-обязанных» крестьян, без всякой надежды без согласия помещика выйти из этого состояния, значило фактическое их закрепощение. «Устарелые учреждения» — пережитки крепостничества и феодализма оказались в Абхазии после «реформы» сильнее, чем где бы то ни было на Кавказе. помещичий, «прусский» тип аграрной эволюции выступал здесь в особенно откровенной реакционной форме. Помещичье землевладение было в Абхазии устойчивее, чем в Грузии — в бывш. Тифлисской и Кутаисской губерниях.

В бывш. Тифлисской губернии к 1889 г. было выкуплено крестьянами у помещиков 12159 д. над. земли, или около 22 проц. всей крестьянской наделной земли, в Кутаисской губ. к этому же году выкупили наделы 23407 дыма из 48261 дыма, числившихся по уставным грамотам²

¹ Ленин. — «Великий почин». 1912.

² Свод статистических данных о землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Тифлис. 1893 г.

По Сухумскому округу (Абхазии, входившей административно в те годы также в Кутаисскую губ.) сведений о выкупе в 80-е годы крестьянами наделов совершенно нет. За десятилетие 1879—1888 г.г. в Тифлисской губ. было куплено крестьянами, сверх выкупа наделов, 35173 дес. земли, было нотариально зарегистрировано 2477 покупок, — в Кутаисской губ. за тот же период было крестьянами совершено 5418 покупок на общее количество земли 9333 дес., в Сухумском же округе за те же годы было произведено крестьянами лишь 8 покупок: было куплено 696 дес. 200 кв. с. земли¹. С другой стороны, по сведениям Тифлисского и Кутаисского дворянских земельных банков, помещики Сухумского округа в значительно меньшей степени, чем другие помещики Грузии, прибегали к услугам этого учреждения, закладывая свои земли.

Заложено имений в тифлисском и кутаисском дворянских земельных банках за годы 1875 — 1889:

	Число имений	Десятин земли	Оценка
Тифлисская губерния . . .	290	198632	4752700
Кутаисская губерния без су- хумского округа . . .	419	28461	2397980
Сухумский округ . . .	2	2132	38000

В Тифлисской губ. было заложено в дворянских земельных банках к 1890 г. около 16 проц. всех земель, принадлежавших «привилегированным сословиям» (198632 д. из 1260406 д.), в Кутаисской губ. — 3,4 проц. (28461 д. из 815376 д.), в Сухумском округе — 2,1 проц. (2132 д. из 100093 д.). Натуральная — неденежная крепостническая основа доминировала в помещичьем хозяйстве Абхазии в 80-е годы в большей степени, чем даже в помещичьих хозяйствах Тифлисской и Кутаисской губернии, также имевших в те годы в значительной степени крепостнический характер. Крестьянство Абхазии крепче, чем до «реформы» было привязано к помещику «временными» крепостными отношениями.

Именно эта причина — сохранение и даже относительное укреп-

¹ Там же. Необходимо отметить, что средняя величина купленных в Сухумском округе крестьянами участков — 87 дес. при средней цене десятины 11 р. 8 к. заставляет сомневаться в том, что покупателями были даже весьма „крепкие“ крестьяне, вероятно это были деревенские лавочники, перекупщики, мелкие ростовщики, хотя и из крестьян.

ление в первые годы после «реформы» «устарелых учреждений» — определила сельско-хозяйственную спецификацию пореформенного развития народного хозяйства Абхазии. Она же определила и специфически замедленные темпы буржуазной эволюции абхазского сельского хозяйства.

Был и ряд других условий, тормозивших развитие производительных сил Абхазии, определявших ее аграрную спецификацию даже по сравнению с общей аграрной спецификацией всего Закавказья. Но влияние этих условий, их сугубое реакционное действие может быть выявлено лишь при условии раскрытия основного тормоза капиталистического развития Абхазии — законодательной регламентации царским правительством, под видом аграрной «реформы» в Абхазии, — крепостнических отношений.

Таковыми «добавочными» условиями, дополнительными тормозами капиталистического развития Абхазии были — **во-первых**, разорение народного хозяйства Абхазии в результате многолетних войн, территорией которых Абхазия была в течение всей первой половины XIX века и вплоть до 1877 года. Сохранение крепостнических пережитков делало особенно трудным восстановление нарушенных во время войны хозяйственных связей, поскольку такое восстановление требовало определенной мобилизации денежных и материальных ресурсов, что могло быть реализовано при господствовавших в Абхазии полуфеодалных отношениях лишь в длительный промежуток времени.

Во-вторых — неблагоприятные условия для развития абхазской горно-добывающей промышленности, неминуемо выступавшей конкурентом чисто капиталистической промышленности юга России; «раскрепощение» Бакинской нефти не вызывало протестов со стороны российских промышленников, «раскрепощение» Ткварчельского угля было совершенно не в интересах южно-российских угольных монополистов.

В-третьих, — географическое положение Абхазии делало ее рынки, расположенные на побережьях, легко доступными для российских товаров, даже вне зависимости от развития внутренней дорожной сети края. Этим, в значительной степени объясняется тот факт, что «заграничный» (не из России) импорт Абхазии в восьмидесятые годы претерпел сокращение значительно большее, чем такой же импорт всего Закавказья:

Отношение, заграничного^a (без импорта из России) импорта к такому же экспорту.

	1877-81 гг.	1886 г.
Закавказье . {	116,1%	41,1%
Абхазия . {		1,17%

Абхазия, в силу своего географического положения, скорее и проще включалась в сферу «влияния» российского капитализма, чем внутреннее Закавказье. Но именно эта простота приводила к отказу со стороны колониальных представителей российского капитализма от развития дорожного строительства — к отказу от борьбы за форсирование товарооборота внутренней Абхазии. С другой стороны, тормозило дорожное строительство — сохранение пережитков крепостнического полу-натурального хозяйства. Проведение железнодорожной линии Поти (Батум) — Баку сильнее всего стимулировало рост товарности народного хозяйства Грузии, открывая для российского капитализма рынки внутренних областей Закавказья и одновременно для последних выход к морю. Дорожное строительство Абхазии тормозилось единым фронтом землевладельцев-полуфеодалов и городской торговой буржуазии.

Тем не менее, несмотря на все тормозящие моменты, буржуазная эволюция народного хозяйства Абхазии была исторически неизбежным фактом. Она определялась тем, что русский капитализм — втягивал Кавказ «в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, создавал себе рынок для своих фабрик» (Ленин). Такая эволюция, в силу сложившихся в процессе образования Абхазии — российской колонии — аграрной спецификации края, была, прежде всего, буржуазная аграрная эволюция.

В замедленности же развития капитализма в Абхазии в «пореформенные» годы отразилась присущая самой природе капитализма особенность неравномерностей и непропорциональностей процесса вызываемого капитализмом преобразования производственных отношений.

«Процесс этого преобразования по самой природе капитализма не может идти иначе, как среди ряда неравномерностей и непропорциональностей: периоды процветания сменяются периодами кризисов, развитие одной отрасли промышленности ведет к упадку другой, прогресс земледелия захватывает в одном районе одну, в другом — другую сторону сельского хозяйства, рост торговли и промышленности обгоняет рост земледелия» и т. д.¹

Укрепление российской государственности в Абхазии открывало новые рынки для российского капитализма и, одновременно, поддержка этой же государственностью последней феодализма, создавала величайший тормаз в развитии капитализма в Абхазии; развитие промышленности юга России тормозило развитие горно-добывающей про-

¹ Ленин, т. III, стр. 466.

мишленности Абхазии, легкость развития товарооборота между портами Абхазии и севера Черного моря тормозило развитие внутреннего абхазского товарооборота...

Основными элементами буржуазной эволюции сельского хозяйства Абхазии являлись: во-первых, общий рост товарности сельского хозяйства, находящий выражение, в частности, в развитии в Абхазии высева товарных технических культур; во-вторых, развитие в абхазском сельском хозяйстве общественно-экономических отношений, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренции, борьбы за хозяйственную самостоятельность, перебивания земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточения производства в руках меньшинства, выталкивания большинства в ряды пролетариата, эксплуатации его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков¹.

Эти, причинно друг с другом связанные элементы единого процесса буржуазной эволюции сельского хозяйства, в котором земледелие приобретало «все более и более торговый, предпринимательский характер», — не имели в Абхазии одинаково полного выражения — некоторые из них едва намечались, некоторые выявились достаточно ярко, но все они имели в Абхазии место, все характеризовали переход от хозяйства натурального к хозяйству капиталистическому.

Разложение натурального хозяйства Абхазии — рост его товарности, обозначившийся еще в годы, предшествующие появлению русских войск в Абхазии, усиливается с 80-х годов XIX столетия — со времени общего хозяйственного оживления в Закавказьи — именно в эти годы элементы простого товарного сельского хозяйства Абхазии начинают переростать в элементы хозяйства товарно-капиталистического.

В эпоху турецкого «влияния» разложение натурального хозяйства Абхазии происходило под влиянием развития торговли и проникновения торгового капитала. «Торговля, пишет Маркс (Капитал, т. III, стр. 317) повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах имеют своей целью, главным образом, потребительскую стоимость». Но для того, чтобы разложение натурального хозяйства пошло по пути образования товарно-капиталистического хозяйства, для этого необходимы были предпосылки, которых не было в годы господства на побережьи Турции. «В какой степени она (торговля), пишет Маркс далее в цитир. отрывке, влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е.

¹ Ленин, т. III, стр. 124.

какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство... Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства». Турция XVIII ст., повторяя выражение Маркса, не вышла еще из «подготовительных ступеней капиталистического общества», торговля в ней «господствовала» над промышленностью. Для России второй половины XIX столетия характерен уже иной процесс — процесс развития промышленного капитала. Отсюда и процесс разложения натурального хозяйства в эти годы в колонии России — в Абхазии приводил к товарно-капиталистическому хозяйству. Торговый капитал делался агентом промышленного капитала.

В 1886 г. только «заграничный» экспорт (без экспорта в Россию) хлебных грузов по главнейшим портам Абхазии равнялся 1076 т. п. (исключительно кукуруза) на сумму 689 т. р., что к снятому урожаю того же года — около 4 млн. пудов — составляло свыше 15 проц. В 1893 г. вывоз «за-границу» кукурузы по тем же портам превышал уже 1600 т. п. на сумму 1040 т. р.¹ В 90-е годы общая экономическая конъюнктура складывалась для сельского хозяйства Абхазии значительно более благоприятно, чем для сельского хозяйства Грузии². В то время, как последнее после 1886 г. вступило в полосу тяжелого кризиса, испытывая на себе тяжесть и общего падения цен на пшеницу и конкуренцию русского хлеба, который с проведением Закавказской жел. дороги, скоро нашел себе доступ на рынки внутреннего Закавказья, — абхазская кукуруза оказалась значительно устойчивее. Хлебный экспорт Абхазии увеличивался при сокращении хлебного экспорта всего Закавказья.

Экспорт хлеба „заграницу“
(без экспорта в Россию)

	1886 г.	1893 г.	% 1893 г. к 1886 г.
Все Закавказье	11249 т. п.	2593 т. п.	23,
Абхазия . . .	1076 т. п.	1600 т. п.	147,7

Впоследствии структура абхазского сельско-хозяйственного экспорта изменилась, как в качественном отношении, так и в отношении

¹ К. К. 1896 г.

² За исключением сельского хозяйства бывш. Кутаисской губернии (административно включавшей в те годы и Абхазию), которая по доминирующей сельско-хозяйственной культуре — кукурузе была однотипна с абхазской.

усиления «внутреннего» в Россию — экспорта за счет экспорта «заграничного». Но он не снизился даже по весу отправляемых грузов; в ценностном же выражении увеличился во много раз, поскольку малоценную кукурузу сменил высокоценный табак.

**Вывезено сельскохозяйственных грузов через сухумский порт
(в тоннах)**

	1900 год			1913 год		
	Всего сел.-хоз. грузов	В т. ч. табак	Уд. вес экспорта табака	Всего сел.-хоз. грузов	В т. ч. табак	Уд. вес экспорта табака
В Россию .	3293	2721	82,6%	9223	7018	76%
Заграницу .	8616	—	—	2765	—	—
Итого .	11909	2721	22,8%	11988	7018	58,5%

В приведенных показателях качественного изменения абхазского сельско-хозяйственного экспорта, направлявшегося через крупнейший порт абхазского побережья, отразился процесс специализации абхазского сельского хозяйства на производстве определенных рыночных продуктов.

В этом отношении пути развития абхазского товарного земледелия не могли пойти по линии развития товарного зернового хозяйства. Рост экспорта абхазской кукурузы в годы кризиса зернового хозяйства всего Закавказья не давал еще никаких гарантий, что и для кукурузы не могут наступить черные дни, рыночные перспективы были у кукурузы значительно уже, чем у пшеницы, конкурировать же с другими странами, старыми экспортерами кукурузы, Абхазия не могла.

Общий вывоз кукурузы из России по всем границам в 1886 г. равнялся 25.411 т. п., в 1893 г. он снизился до 15.938 т. к., после некоторого оживления на кукурузных экспортных рынках в 1894 г., последовало новое падение экспорта в 1896 г. до 12.935 т. п.

Могла ли Абхазия, при низком уровне своего земледелия, при относительно невысокой урожайности выступать при таких колебаниях в качестве конкурентноспособного экспортера?

Могла ли Абхазия специализироваться на кукурузе в то время,

как цены на кукурузу в ней были в конце 90-х и в начале 900-х годов наивысшими на кавказском Черноморском побережье?

Цены на кукурузу за 1901 — 1905 гг.
(средние годовые)

Новороссийск	54,5 к. за пуд
Кутаисская губерния включая и сухум- ский округ	60,0 к. за пуд

С 900-х годов экспорт абхазской кукурузы «за-границу» резко падает, экспорт же кукурузы в Россию вообще никогда не был велик.

Экспорт кукурузы через сухумский порт
(в тоннах)

	1900 г.	1907 г.	1913 г.
В Россию	113	97	56
Заграницу	8600	4438	2699
Итого	8713	4535	2755

Урожай кукурузы в Абхазии лишь в 1909 г. превысил урожай 1886 г. и в 1914 году упал до 2108,1 т. п.

Урожай кукурузы по Сухумскому округу

1910 год	5031,2 тыс. пудов
1911 год	2450,5 тыс. пудов
1912 год	3522,1 тыс. пудов
1913 год	2327,8 тыс. пудов
1914 год	2108,1 тыс. пудов

Сохранившиеся показатели площадей очень противоречивы, ¹ но приведенные показатели урожайности весьма характерны — они не могут быть объяснены только «неурожайными» годами.

Посевы других зерновых культур, кроме кукурузы, в начале XX века в Абхазии не были больше даже не сотен, но десятков десятин.

¹ Так, по данным „Сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств“ (изд. ГУС и З СПБ, 1913 г.) площади под кукурузой в 1908 году равнялись 125 т. дес. (явно неправдоподобная цифра), по другим источникам в том же году 57,3 тыс. десятин.

Они были результатом или стремления колонистов перенести на новую родину привычные сельхозкультуры, или результатом специальных заданий местных администраторов, вроде предложения интендантства, сделанного еще в 80-х годах, сеять гречиху, так как «русские солдаты привыкли есть гречневую кашу»...

Не могло пойти развитие абхазского сельского хозяйства и по линии развития животноводства, несмотря на наличие горных пастбищ, обеспечивающих для него достаточную кормовую базу. Развитию животноводства в его экстенсивной форме — мясного нагульного скотоводства — мешало, прежде всего, абхазское бездорожье, не позволявшее должным образом использовать горные пастбища, что же касается интенсивного молочного скотоводства, то оно не могло развиваться уже потому, что не имело фактически рынка сбыта; Внутренний рынок Абхазии был слишком неемок. Внешний рынок России — метрополии был прочно захвачен молочным хозяйством северо-русских, прибалтийских, части центрально-черноземных и сибирских губерний. Внешний «за-граничный» рынок тем более был закрыт для Абхазии, не способной к конкуренции с высоко-развитым интенсивным скотоводством З. Европы, — (развитие интенсивного скотоводства показывает определенную ступень капиталистического развития сельского хозяйства, до которой Абхазии, в годы выявления ее сельскохозяйственной спецификации, было еще очень далеко).

Не развилось в Абхазии и промышленное виноградарство и виноделие. Наоборот — с конца XIX столетия виноградарство и виноделие приходит в Абхазии в определенный упадок: несмотря на ряд имеющихся указаний на возможность разведения в Абхазии (и на фактическое разведение до половины прошлого столетия) сортов винограда, дающих ценные столовые вина, абхазское виноделие, вплоть до революции почти не вышло из кустарного периода. Акцизная политика царского правительства, заинтересованного в максимальном распространении «монопольки», — делала свое дело — местное вино не могло конкурировать со столь сильным соперником.

В затушевывании истинной причины упадка абхазского виноградарства, некогда насчитывавшего до 30 очень ценных сортов и к началу XX столетия культивировавшего, главным образом, низкосортную «изабеллу» — колонизаторами создавались теории о том, что промышленное виноградарство и виноделие в Абхазии вообще невозможно из-за массового распространения филлоксеры и обилия влаги, выпадающей летом на абхазском побережье и препятствующей получить годное к выдержке вино.

Подобные теории опровергались показательными предприятиями, создаваемыми любителями-виноделами (предприятия Гогречидзе, Ма-

лани, Никитина, В. Германа на санитарном участке Арцыбушева в Сухуме и в Гудаутах), но и такая пропаганда действием не могла, конечно, убедить русское правительство в необходимости отказа от водочной монополии. Таким образом, ни зерновое хозяйство, ни животноводство, ни виноградарство — в Абхазии не находили тех условий, которые могли бы обеспечить за ними ведущую роль в развитии товарно-капиталистического сельского хозяйства.

Перед абхазским сельским хозяйством стояла задача переключиться в направлении развития таких культур, за которыми были бы обеспечены определенные рынки сбыта, которые были бы высоко рентабельны и вместе с тем, соответствовали бы общей колониальной спецификации Абхазии, как сырьевой базы русского капитализма. Последнее было особенно важно, ибо это условие являлось непрямым следствием роста в конце XIX столетия, российского промышленного капитала.

Таковыми культурами в Абхазии могли быть — хлопок, чай и табак. Хлопководство в Абхазии не развивалось. Центром Закавказского хлопководства стали губернии: Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская, в Сухумском же округе дело не пошло дальше организации нескольких опытных участков. Несмотря на то, что климатические и почвенные условия Абхазии делали возможным распространение хлопка, несмотря на то, что культура хлопка в Абхазии была известна еще до появления российских колонизаторов, хлопок в Абхазии в конце XIX — начале XX столетия никакой роли не играл. Поднятие цен на хлопок на международных рынках в 60-х годах, в связи с гражданской войной в САСШ и сокращением выхода северо-американского хлопка, — сыгравшее исключительную роль в развитии хлопководства в Закавказьи — не оказало никакого влияния на развитие хлопководства в Абхазии, поглощенной в эти годы «подготовкой» к реформе 1870 г. и восстанием, в связи с ней «благодарного» населения. В 80 и 90 годы, когда толкачами развития хлопководства выступили такие мануфактурные короли, как Морозов, Корзинкин, Познанский, рыночная спецификация Абхазии уже определилась. Хлопковый рынок был занят другими районами.

Не вышло из стадии опытов и распространение в Абхазии, вплоть до революции, чайной культуры. Первые опыты с разведением чая в Абхазии относятся еще к концу 40-х годов. Во время войны 1877—78 г.г. имевшиеся опытные плантации в Сухуме погибли, но уже в самом начале 80-х годов они вновь возникают и в 1884 г. служат предметом суждения Кавказского общества сельского хозяйства. В отчете последнего за 1884 год говорится — «Общество сельского хозяйства полагает необходимым устроить несколько более обширную

плантацию (чая) под руководством опытных мастеров в Сухумском ботаническом саду... Общество находит необходимым поручение всего дела 3 китайцам, которые должны быть выписаны правительством для этой цели из Китая... А, чтобы гарантировать это начинание и не быть в безусловной зависимости от 3 китайских мастеров, которые могут оказаться даже не совсем хорошо знакомыми с делом или не вполне благонадежными в нравственном отношении... общество рекомендует одного молодого агронома послать в Китай для изучения чайной культуры¹. Пожелания Кавказского общества о широком распространении чайной культуры остались только пожеланиями. Дальше опытов дело с чаем фактически не пошло. В 1916 году, накануне революции, общая площадь плантаций чая во всем Западном Закавказьи не превышала 950 десятин, в том числе по Кутаисской губернии вместе с Сухумским округом было лишь 90 плантаций с общей площадью в 30—40 десятин².

Закавказский чай не выдерживал никакой конкуренции с китайскими, индийскими и цейлонскими чаями. По подсчетам особой комиссии Министерства финансов, стоимость закавказского чая в Москве в 1915 году обходилась — 70 коп., одного фунта китайского чая также с доставкой в Москву — 44 коп. и цейлонского и индийского — 53 к. Основной причиной высокой стоимости закавказского чая были неумеренные аппетиты землевладельцев-помещиков, которые выступали в роли скупщиков чайного листа у мелких плантаторов-крестьян. Так, по сведениям журнала «Кавказское Хозяйство» (1916 г.) некий князь Н., крупный гурийский помещик, скупал чайный лист у крестьян по цене 5—7 коп. за фунт. Каковы были прибыли этого князя-спекулянта можно судить из того, что фунт фабричной выделки чая обходился в 25 коп. (что признавалось журналом «Кавказское Хозяйство» «несколько высоким»), перевозка фунта чая до Москвы обходилась не больше 1—2 коп., оптовая же продажная цена в Москве, как отмечалось, была 70 коп. за фунт.

Ведущей культурой торгового земледелия в Абхазии стал табак. О высоких качествах табаков Закавказья было известно еще с 50-х годов, в 1850 году они были премированы в Тифлисе, в 1852 г. — в Москве³. Но привлечь к себе внимание в качестве товарной культу-

¹ Отчет о деятельности Кавказского общества сельского хозяйства за 1884 год.

² «Кавказское хозяйство». 1916 г., № 17 — 18.

³ Центр архив АССР Абхазии, фонд 253.

ры они стали лишь с 80-х годов, в 50-е же годы Закавказье табак ввозило, но не вывозило.

Торговля Закавказья табаком с границей
(без торговли с Россией).

	Вывоз (в руб.)	Ввоз (в руб.)
1854 год	147	73478
1855 год	66	115971
1856 год	571	92475

Торговля с Россией в эти годы была вообще ничтожна. Завоз табака из-за границы даже поощрялся. В относящейся к 1868 г. «Росписи товарам, кои при ввозе в Черноморские порты Закавказского края, подлежат уменьшенным против общего европейского тарифа пошлинам»¹ значится, наряду с сахаром, бязью и бумажными тканями и табак. После войны 1877—78 г. г. в экономической политике России в Закавказьи наступил перелом, который не замедлил отразиться и на отношении колониальных властей к табаководству. Развивающаяся русская табачная промышленность требовала дешевого сырья, производимого в границах империи и стремилась к созданию своей собственной сырьевой базы. В 1875 году был введен акциз на табак. Пошлины на импортный табак были доведены к 1882 году до 15 руб. 40 коп. за пуд.² колониальное управление к судьбам табаководства начинает проявлять определенный интерес. 30 декабря (ст. ст.) 1878 г. исполняющий обязанности начальника Сухумского отдела запросил сухумское полицейское управление о табаководстве в окрестностях Сухума, о характере его, площадях, занятых под табак, урожайности и т. д. Это первое обследование состояния табаководства было весьма симптоматично. Не менее симптоматичен был и ответ Сухумского полицейского управления, в котором указывалось, что в Сухуме имеется всего 4 табачных плантации, общей площадью в одну десятину, сорт табака «турецкий», разводится из года в год на одном и том же месте, качество табака ухудшается, сбывается табак на месте, «табаководство развивается»³. Последнее заключение полицейского управления о перспективах развития табаководства ничем в ответе обосновано не было и представляло из себя, вероятнее всего, простое желание угодить начальству.

Такое же обследование было произведено и по другим районам Аб-

¹ Центр архив АССР Абхазии, дело сух. гор. полиц. упр., 1868 год.

² Пошлина с листового табака по тарифу 1868 г. равнялась 4 р. 40 к. с пуда, в 1872 г. пошлина была увеличена до 14 р. В 1877 г. пошлина была сделана золотой, в 1881 г. была доведена, после 10% надбавки, до 15 р. 40 к. с пуда.

³ Центрархив АССР Абхазии. Дело сухум. полиц. упр., 1878 г.

хазии, но результаты его до нас не дошли. С 1-го января 1883 года, согласно циркуляра Министерства Финансов от 17-го ноября 1882 года, в Сухуме была воспрещена розничная продажа листового табака¹. Это мероприятие, поставившее мелких плантаторов в прямую зависимость от оптовиков, не может быть объяснено интересами только фиска, точно также, как и введение акциза через обандероливание табака — если, с одной стороны, интересы обложения играли, несомненно, при этом большую роль — концентрация продажи листового табака исключительно у оптовиков и обандероливание табачных изделий значительно облегчала наиболее полный учет объектов обложения — то, с другой стороны, не меньшую, если не большую, роль играли интересы самих оптовиков табакоторговцев, связанных с российскими табачными фабрикантами (иногда же в качестве оптовиков-торговцев табачные фабриканты выступали непосредственно сами). Именно в это время было положено начало регламентации монопольных прав крупнейших табачных промышленников на абхазском побережье, монопольных прав, обрекающих на жесточайшую эксплуатацию мелких табаководов.

Об определяющем влиянии в эти годы на акцизную политику царского правительства интересов крупных табачных фабрикантов говорит член Кавказского Общества Сельского Хозяйства Гургинбеков в докладе «О влиянии бандероли на падение табачного производства в Закавказском крае», прочитанном на заседании Общества 6 ноября (ст. ст.) 1884 года².

«В 1875 году,—заявил Гургинбеков,—был введен акцизный налог на табак посредством накладки бандероли, что радикально изменило существующий характер торговли табаком: 300, а может быть и более, табачных лавок сосредоточилось в руках 5 или 6-ти фабрикантов, имевших достаточный капитал для затрат, требуемых акцизным уставом.. Фабриканты завели свои собственные плантации, для чего арендовывали земли...»

Доклад Гургинбекова не был поддержан другими членами Общества, среди которых было большинство помещиков, фабрикантов и торговцев сельхозпродуктами, но он верно в целом отразил зависимость в эти годы акцизной политики царизма от интересов представителей российского капитализма.

В 80-е годы начинается и массовое переселение на Черноморское побережье табаководов из азиатской Турции. Основными причинами, заставившими их покинуть свою родину, были — усиление налогового обложения в Турции после войны 1877—78 г. г. и введение с

¹ Центр. архив АССР Абхазии, дело Сухум. полиц. управ. 1882 г.

² Отчет о деятельности Кавказского общества сельского х-ва за 1884 г.

1884 года в основных табачных районах азиатской Турции монополии французских табакоторговцев. Впоследствии, некоторые «историки» колонизации края (Дьячков-Тарасов, Фон-Дервиз) указывали на разрешение широкого доступа на Черноморское побережье переселившихся из Турции табакоседел, как на пример, «случайной» политики колониального управления. В действительности дело было не так — в привлечении табакоседел в Абхазию — в развитии в Абхазии табакоседелства были прямо заинтересованы русские табачные промышленники и этот факт из колониальной практики российского правительства «случайным» быть назван, конечно, не может.

В 1884 году на заседании Кавказского Общества Сельского хозяйства, при обсуждении упомянутого доклада Гургинбекова, один из членов Общества, табачный фабрикант А. Энфиаджянц, прямо указывал, что «было бы чрезвычайно полезно для нашего табакоседелства давать некоторые льготы... турецким выходцам, которые бы пожелали усиленно заняться у нас этим делом...» В марте 1905 года на заседании того же Общества, в связи с предполагаемым выселением табакоседел — иностранных подданных — из сельских местностей Черноморского побережья, высказался ряд крупнейших табачных фабрикантов и помещиков, которые единодушно указывали на совсем не «случайный» характер переселения на побережье выходцев из-за границы. Директор табачной фабрики «Мир» Р. И. Гокиелов заявил, что «с уходом из Черноморского побережья плантаторов... нам, фабрикантам, негде будет покупать в России высшие сорта табаков». То же подтвердил и А. А. Энфиаджянц: «мы, фабриканты, до прихода этих переселенцев на Черноморское побережье... обращались в Турцию». Абхазский помещик, князь Шервашидзе, отражая настроения крупнейших землевладельцев побережья, достаточно откровенно признался, что «до прихода к нам выселившихся из Малой Азии армян и греков, земли наши пустовали; они нам не давали никакого дохода... и вдруг, в то время когда мы не знали, что делать с нашими землями, к нам являются армяне и греки. Можно сказать, что они попали к нам, как манна с небес». Высказывался в унисон с князем Шервашидзе и купец Аконян: «в тесной связи... от цветущего состояния табакоседелства на Черноморском побережье, — говорил он, — находится и развитие местной торговли...»¹.

В 1886 году табак во внешней торговле Абхазии никакой еще роли не играет, но уже в 1893 году из Абхазии вывозится каботажом 41.958 пудов табаку (через Сухум 29.694 пуд. и через Гудауты 12.264 пуд.)².

¹ «Кавказское сельское хозяйство». 1905 г., № 572.

² К. К. 1896 г.

В последующие годы рост табаководства в Абхазии был неуклонен.

Показатели развития табаководства в Абхазии

Годы	Число плантаций	Площадь в десятинах	Сбор в пудах
1887	Сведений нет	Сведений нет	58339
1888	Сведений нет	Сведений нет	36825
1889	Сведений нет	Сведений нет	35315
1893	1858	1664	70720
1894	Сведений нет	Сведений нет	79593
1901	2905	3478	130636
1903	4760	3604	255071
1904	Сведений нет	4304	241386
1905	Сведений нет	5301	285236
1906	3678	3186	183203
1907	Сведений нет	4386	240060
1908	Сведений нет	4680	311045
1909	5386	6578	439285
1910	6750	8457	544240
1911	6261	7525	444770
1912	6556	7675	408589
1913	6355	8037	442830
1914	9288	13104	602676
1915	8293	8824,8	425000
1916	11770	10596	556834 ¹

Еще более показателен рост площадей под табаком и урожайности, взятый по пятилетиям:

В среднем за год

Г о д ы	Площ. под табак. в дес.	Урожай в пудах
1895-99	2140	118520
1900-04	3337	193333
1905-09	4822	291881
1910-14	8960	488621

¹ По материалам Центрархива АССР Абхазии, по данным К. К. за 1896, 1903 и 1906 гг. и по данным абхазской сельскохозяйственной опытной станции.

В 1903 году, при общем количестве 143 селений Сухумского округа, табаководством занимались в 80 селениях (56%), в 1909 году число таких селений повышается до 95 (66 проц.)¹.

В 1905 году Сухумский округ по размерам табаководства занимал пятое место в Российской империи, уступая только Черниговской губ., Кубанской обл., Полтавской и Тамбовской губ., по ценности же абхазский табак (в 1905 году в среднем 13 руб. пуд) уступал в это время только ялтинскому сорту «дюбек» (в 1905 году — 20 руб. пуд.). Цены на абхазский табак росли с каждым годом. По данным, приводимым в журнале «Черноморское Сельское Хозяйство» за 1914 год², в начале 90-х годов 1, 2, 3 и 4 сорта абхазского табака продавались по 6-10 рублей за пуд, в 1904 году — 12-15 рублей и в 1914 году 1, 2 и 3 сорт 25-30 рублей и 4-й сорт — 7 рублей.

«Хозяйственные» табачные плантации, на которых табак разводился в целях личного потребления плантатора и его семьи, постепенно совершенно исчезают. В 1903 году из общего количества плантаций 4.760 «хозяйственных» было 1.292, или 27,0% (средняя площадь одной «хозяйственной» плантации равнялась 0,008 дес.) и промышленных 3.468, или 73,0% (средняя площадь одной промышленной плантации равнялась 1,03 дес.). Начиная с 1907 года «хозяйственных» плантаций (мерой менее 50 кв. саж.) не было ни одной³.

В восьмидесятых и девяностых годах XIX столетия промышленным табаководством занимались преимущественно турки, армяне и греки, выселившиеся в 80-е годы из Турции и организовавшие табачные плантации на арендуемых землях.

С начала 900-х годов промышленное табаководство начинает распространяться и среди коренного населения Абхазии. Об этом свидетельствуют приведенные выше данные о распространении табаководства в большинстве селений Абхазии и данные составленного по материалам акцизного надзора — обзора табаководства в Сухумском округе, опубликованного в «Черноморском Сельском Хозяйстве» в 1910 году. Согласно данным обзора, арендаторы составляли в 1910 году только 60% всего количества лиц, занимающихся табаководством, 40% приходилось на «собственников земельных угодий». В 1913 году была опубликована статья гр-на Алферова⁴ «От виноделия к табаководству», автор которой прямо утверждает, что «большая прибыльность табаководства стала ясна для населения Сухумского окру-

¹ „Ч. с. х.“. 1910 г., № 10 — 11.

² № 3, ст. Чикова.

³ „Кавказское хозяйство“, 1913 г.

⁴ „Ч. с. х.“. № 5 — 6, 1915 г.

га с особой очевидностью со времени последней балканской войны,¹ когда, в зависимости от сокращения посевов в Турции, Греции и Македонии, цены на сухумские табакки стали крепкие и высокие... Абхазское и мингрельское население по округу... обнаружило стремление прежние свои договоры с производителями табака — турками, арендовавшими их земли, заменить новыми, по которым хозяин земли является уже и участником в табачном производстве, пайщиком предприятия...»

Цены на табакки Сухумского округа

Кавказское общество сельского хозяйства Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1913 год. Тифлис. 1914 год).

Годы	Самсон	Трапезонд
1892	7,50	—
1893	8,00	—
1894	7,50	—
1895	9,00	—
1896	10,00	—
1897	9,50	7,00
1898	9,00	7,00
1899	8,50	7,00
1900	8,00	7,00
1901	8,00	6,50
1902	9,00	6,50
1903	9,00	6,50
1904	12,00	7,50
1905	11,00	8,50
1906	12,00	8,50
1907	15,00	11,50
1908	15,50	12,50
1909	15,50	12,00
1910	17,00	12,00
1911	17,00	12,00
1912	17,00	13,00
1913	20,00	15,00

Основная масса абхазских табачков вывозилась в Россию, лишь незначительная их часть шла за границу империи и в Закавказье, при

* 1912 г

чем, если удельный вес массы табаков, вывозимых в Закавказье, в среднем не имел тенденции к росту (1907 г.—2,2%, 1909—7,9%, 1912 г.—1,3%, 1913 г.—4,4%), то этого отнюдь нельзя сказать про экспорт «заграничный» (1907 г.—1,3%, 1909 г.—3,3%, 1912 г.—15,7%, 1913 г.—14,2%).

Экспорт табака из Абхазии
(в пудах)

Годы	В Россию	Проц.	Загра- ниду империи	Проц	В За- кавказье	Проц.	Всего	Проц.
1907	939274	96,4	3294	1,3	5457	2,2	218025	100,0
1908	282226	97,32	46	0,02	7729	2,66	290001	100,0
1909	293338	88,8	10739	3,3	26407	7,9	330484	100,0
1910	382096	87,6	30648	7,1	23189	5,3	435933	100,0
1911	411807	83,2	52053	10,5	31178	6,3	495033	100,0
1912	365571	83,0	68433	15,7	7658	1,3	441662	100,0
1913	433635	81,4	75307	14,2	23505	4,4	532447	100,0
1914	523854	89,4	20820	3,6	41279	7,0	585953	100,0

В Абхазии имели своих представителей и табачные склады крупнейшие в России табачные фирмы — Лаферм, Шапошников, Богданов, Шашал и др. Перечисленные фирмы, объединенные в синдикат, были почти полными монополистами на табачных рынках Абхазии. Внутри синдиката доминирующую роль играла петербургская фирма «Лаферм». Синдикат держал в полной зависимости не только плантаторов, но и мелких табакоторговцев.

На табачном рынке в Абхазии перед войной выступали не только наши отечественные, но и иностранные крупнейшие табакоторговцы. Они действовали как через участие в табачном синдикате, так и выступая непосредственно. «Марка Сухумского Самсуна, — пишет журнал «Кавказское хозяйство» в 1915 году, — стоит очень высоко и уже теперь, несмотря на молодость свою, завоевала себе серьезное место на рынках Америки, Европы, Африки и даже Азии. Достаточно сказать, что, например, в позапрошлом 1913 году его начали скупать уже с августа месяца — частью на корню, частью на шнурах и т. д. и, во всяком случае, еще не в обработанном и неотсортированном виде... Спешно работали комиссионеры американского табачного треста, представители египетских и немецких табачных фабрик и наши пет-

роградские предприниматели. По свидетельству официального отчета акцизного ведомства, для успешности дела по закупке и отправке табака, иностранные покупатели обзавелись в 1913 году своими оптовыми складами»¹. За табачными оптовиками стояли банки, которые щедро финансировали крупных табакоторговцев и табачных фабрикантов. В объяснительной записке к статистической ведомости по учету векселей в Сухумском Отделении Государственного банка за 1913 год по этому вопросу читаем: «Общее число собравшихся в портфеле Отделения (за время с открытия Отделения в начале 1912 года) учтенных векселей выражалось цифрой в 7.052 на сумму 2.083.933 руб. 20 коп. 56% векселей было на срок свыше 6 месяцев. Объясняется это исключительно почти условиями табачно-плантаторского дела... Потребность на все это (папушевка, сушение и т. д.) денежных средств вынуждает плантаторов прибегать к помощи крупных скупщиков табака и табачных фабрикантов, оказывающих эту помощь выдачею задатков за запроданный таким образом табак. Задатки эти достигают обыкновенно солидных сумм и добываются преимущественно путем учета векселей в кредитных учреждениях»².

Таким образом, только Госбанк кредитовал табачные сделки в Сухумском округе за время менее, чем 2 года (1912—1913 г. г.), на сумму свыше 1 миллиона рублей, в Сухуме же, кроме Отделения Госбанка, в эти годы было еще 3 «кредитных учреждения».

Исключительное значение фактической монополии крупных табакоторговцев и табачных фабрикантов в Абхазии характеризуется фактом полного отсутствия в ней, вплоть до революции, льготных табачных складов, где плантаторы могли бы выдерживать свой табак, не реализуя его по первой продиктованной синдикатом цене.

Табачные склады в Закавказьи.

	1 9 0 6 г.			1 9 1 0 г.		
	Торг.	Льгот.	Всего	Торг.	Льгот.	Всего
Всего в Закавказьи .	27	7	34	52	8	60
В т. ч. в Сухум. округе	20	—	20	44	—	44

Организация «льготных» складов была невыгодна для оптовиков и таких складов не было. Абхазия, ставшая центром табаководства во всем Закавказьи (сбор табака в Сухумском округе по отношению к сбору табака в Закавказьи равнялся в среднем за годы 1900—1904 — 60,3%, за годы 1905—1909 — 69,4% и за годы 1909—1914

¹ К. Х. № 1, 1915 г.

² Центроархив АССР Абхазии, фонд № 6.

— 73,3%), — становилась и центром жесточайшей эксплуатации крестьян-табаководов со стороны табачных оптовиков — монополистов.

Даже организация опытной табачной плантации, назначением которой было «распространение знаний по культуре и обработке табака среди местных плантаторов и выбор сорта и семенного материала», даже это скромное начинание помощи плантаторам в Абхазии тормозилось. В Грузии подобная плантация была организована в 1900 году (Озургетская табачная плантация), Сухумская же опытная плантация возникла лишь в 1911 году и еще в 1910 году сухумский городской голова, граф Сологуб, отражая мнение табачных толстосумов, которые не были заинтересованы в каком-либо идущем помимо их «просвещении» плантаторов, этот «городской деятель» заявил командированному департаментом земледелия специалисту табаководу Элизу о том, что «опытные учреждения вообще никогда никому никакой пользы не приносили и даже, наоборот, приносят частным коммерческим предприятиям существенный вред, как например, Сухумская опытная станция, которая конкурирует с промышленными садовыми заведениями, снабжая население бесплатно или по дешевой цене посадочным материалом и пр.»¹.

Дошедший до нас образец типового договора, заключавшегося, обычно, между плантатором-табаководом и табачным торговцем-оптовиком (или его агентом), иллюстрирует величину той зависимости, той кабалы, в которой находился плантатор у «частных коммерческих предприятий». Согласно этого договора, который подписывался еще задолго до папушевки, плантатор продавал торговцу весь урожай плантации по заранее обусловленной цене (§1), плантатор обязывался из урожая табака «не оставлять себе ничего и не продавать другому лицу, а всецело сдать г-ну У» (§3), сорт табака, подлежащего сдаче, заранее точно определялся и за всякие отклонения от него отвечал плантатор (§2 и §3), доставка табака на склад покупателя лежала на плантаторе, в случае невыполнения договора плантатор уплачивал неустойку.

При подписании договора плантатор получал «задаток», который он был обязан вернуть покупателю, в случае невыполнения договора².

Плантатор был в полной зависимости от своего «благодетеля» торговца-оптовика, он был его должником, мог продавать табак только ему, непосредственный выход на рынок плантатору был закрыт.

И, если, тем не менее, число промышленных табачных плантаций неуклонно росло, если даже разразившийся на табачном рынке в на-

¹ Доклад Элиза в департамент земледелия ЧХС № 10—11, 1910 г.

² ЧСХ № 6, 1912 г.

чале империалистической войны кризис не смог остановить этого роста, если «большая прибыльность» табаководства была так существенна для крестьянства Абхазии, то это объясняется тем, что процесс развития товарности абхазского сельского хозяйства пошел так глубоко, что развитие высоко-товарных культур в нем было неизбежно. Такой культурой в специфических условиях Абхазии был табак.

«Общественно - экономическая обстановка», в которой развивалось абхазское сельское хозяйство в пореформенный период, было товарное хозяйство, «строй общественно - экономических отношений» — в нем «показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму». Развитие этих противоречий имело место в помещичьем и в крестьянском хозяйстве, при чем, если развитие капитализма в помещичьем хозяйстве стимулировало разложение остатков феодализма изнутри, то развитие капитализма в крестьянском хозяйстве стимулировало, прежде всего, борьбу всего крестьянства за свою «хозяйственную самостоятельность» — борьбу с остатками докапиталистической феодальной зависимости.

Аграрная политика Российского правительства затрудняла эти процессы, интересы торгового капитала на побережья нередко вступали в противоречие с тенденциями эмансипации абхазского сельского хозяйства от «устарелых учреждений», но все это могло лишь замедлить разложение остатков феодализма, но не повернуть историю вспять. Абхазия была вовлечена в «мировое товарное обращение», она становилась сырьевым рынком для российской промышленности и рынком сбыта для продукции российских фабрик и заводов. Отсюда — рост товарности абхазского сельского хозяйства, отсюда — рост новых общественно - экономических отношений.

Развитие товарно - капиталистического земледелия, продукция которого поступала на рынок и была подчинена всем законам рыночного обращения, превратило «землю в товар», порвало «с сословностью земледелия». Вытеснение отработочной и натуральной аренды — арендой денежной, — было первым признаком такого изменения самого взгляда на землю. Отработочная и натуральная аренда была пережитком барщинной системы. Денежная аренда, открывая доступ к земледелию всем «сословиям», могла развиваться только в условиях товарного земледелия, когда и собственник земли, сдающий ее в аренду и земледелец-арендатор превращались «в такого же промышленника, как и всякий другой хозяин» в капиталистическом обществе.

В Абхазии аренда земель была развита достаточно широко — концентрация во владении «привилегированных классов» значительных

земельных площадей, во-первых, и крестьянское малоземелье в Закавказьи, во-вторых, — создавали для этого достаточные предпосылки. Основную массу арендаторов составляли мингрельцы, выходцы из Кутаисской губ., где особенно тяжелы были последствия земельной «реформы», и армяне, греки и турки, переселившиеся в Абхазию из Турции в 80-х годах XIX столетия.

Преимущественной культурой, возделываемой мингрельцами, была кукуруза (табак начал распространяться в их хозяйствах лишь в последнее десятилетие перед империалистической войной). Основной культурой, возделываемой переселенцами из Турции, был табак.

Кукуруза была старой, издавна распространенной в Абхазии сельскохозяйственной культурой, — натуральное хозяйство Абхазии жило, главным образом, кукурузным хозяйством. Формой аренды земель, сдаваемых под посевы кукурузы, была преимущественно натуральная аренда.

Г. А. Рыбинский в своей, вышедшей в 1894 году работе «Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении»¹, так описывает, арендные отношения в помещичьем кукурузном хозяйстве — «Помещичье хозяйство, несмотря на то, что владельцы их обладают лучшими землями в округе и что земли эти они не успели ввести в неоплатные долги... находится в очень незавидном положении... На счастье сухумских помещиков оказалось, что по соседству имелась рабочая сила, поставленная в условия еще худшие, чем китайские кули; за наделением у них привилегированного сословия земель, непривилегированному ничего не осталось, одни камни на горах, огнеупорная глина, да болота... И вот, мингрельцы крестьяне явились в Сухумский округ к помещикам с предложением услуг в качестве арендаторов... Арендаторы мингрельцы отдают помещику $\frac{1}{4}$ часть урожая всех своих посевов, значит им совсем невыгодно обзаводиться более доходными культурами растений... В свою очередь помещик... не обращает никакого внимания на то, что невежественные арендаторы, возделывая одну только кукурузу, практикуют египетские работы».

Мы имеем в своем распоряжении два (типовых) договора, заключенных между «доверенным» одного из крупнейших абхазских земельных магнатов, князя Г. Д. Шервашидзе², который увеличил свои родовые поместья землями, «пожалованными» ему царским правительством за участие в «усмирении» Абхазии в 1878 году, — и арендаторами мингрельцами. Один из договоров относится к 1893 г., дру-

¹ Тифлис, 1894 г.

² Князь Г. Д. Шервашидзе имел до 5000 га земли.

гой — к 1914 г.¹ Оба договора имеют в виду аренду земель под посевы, преимущественно, кукурузы, при чем договор 1914 года содержит прямое указание на то, что «если в течение арендного срока окажется надобность в разведении табака, или открытии торгово-промышленных заведений», то арендатор должен войти «в особое по этим предметам соглашение с доверенным князя Шервашидзе (§ 3). Оплата аренды предусматривалась обоими договорами натурой — «в размере $\frac{1}{4}$ урожая кукурузы, чалы, сена, винограда, орехов, лобии, гоми и разных фруктов и шелковичных коконов», порядок оплаты устанавливался следующий — весь собранный урожай делился арендатором на четыре части и доверенный князя Шервашидзе выбирал из них любую; доставка выбранной части в склады Шервашидзе лежала на арендаторе (§ 2).

Размер арендной платы — четверть урожая совпадает с размером натуральных платежей помещику со стороны «временно-обязанных» крестьян. Здесь мы имеем прямое перенесение в договора земельной аренды тех отношений, которые сложились между помещиками и «анхайю» в результате земельной «реформы», при чем, если «временно-обязательные» отношения помещика с крестьянами были прекращены в 1912 г., то подобные формы натуральной аренды сохранились вплоть до революции.

С другой стороны, даже в этих договорах, носящих определенный характер докапиталистических отношений, имеются моменты, отражающие ту эволюцию, которую переживало в те годы сельское хозяйство Абхазии.

Таковыми моментами были — во-первых, лишение права собственности арендатора на постройки, которые им возводились на арендуемой земле — в договоре 1893 года этот пункт распространялся только на постройки, возводимые арендатором из материала, бесплатно отпущенного владельцем имения (§ 8), договор 1914 года идет дальше и без всяких ограничений указывает, что «постройки после окончания договора, в случае его невозобновления переходят без вознаграждения в собственность князя Шервашидзе (§ 7); во-вторых, введение в арендные договора точного перечисления тех культур, которые должен был возделывать арендатор, ограничение его в праве держать скот свыше определенного в договоре количества (§ 6... «если же у арендатора окажется большее количество скота, чем обозначено в этом пункте, то контора имения взыскивает с арендатора за каждую лишнюю голову по 2 руб. 40 коп. в год»); в-третьих, введение денежной аренды за излишнюю площадь, сверх обусловленной в дого-

¹ Оба договора получены от научного сотрудника Госмузея Абхазии т. Берулава.

воре, усадебного участка (§ 5... «за излишнюю площадь усадебного участка арендатор... уплачивает аренду по расчету 25 руб. за десятину в год»).

Эти сверхкабальные обязательства арендатора, ухудшающие его положение даже по сравнению с положением «временно-обязанного» крестьянина, имеют, тем не менее, совершенно иное социально-экономическое содержание, чем обязательства крестьян «временно-обязанных».

Обязанности крестьян, возникшие из их состояния «временно-обязанных», имели своей целью закрепощение крестьян, — привязку их к земле, сохранение феодальной зависимости крестьянина от помещика; обязательства, возникавшие на основании арендных договоров, перечисленные выше, имели своей целью фактическое превращение крестьянина в самого обыкновенного сельско-хозяйственного рабочего, в батрака, который не имеет земли, не имеет недвижимой собственности, сест только то, что ему укажет помещик, для него нет никаких импульсов к улучшению своего хозяйства, ничто не привязывает его к земле — все его хозяйство, все постройки, возведенные им, после окончания срока договора, переходили безвозмездно в собственность помещика. Правда, в договоре имеется указание на то, что подобный переход хозяйственных построек арендатора в собственность помещика; — обязательства, возникавшие на основании арендных договоров, как будто, создается надежда для «добросовестного» арендатора на сохранение своего недвижимого имущества, но эта иллюзия полностью разоблачается § 13-м договора 1914 года, согласно которому «в случае, если я, арендатор..., уличен буду в воровстве или в соучастии в нем, или в принятии к себе лиц, подозрительных и вообще в каком-нибудь преступном деянии, то доверенный князя Шервацидзе имеет право договор сей уничтожить, меня удалить во всякое время из имения и отобрать усадебную и арендуемую мною землю с постройками, посевами и другими произведенными на них работами без всякого со стороны владельца имения вознаграждения».

Владелец имения всегда мог указать неугодному для него почему либо арендатору, что он принимает «лиц подозрительных» (подобная квалификация зависела всецело от помещика) и выгнать его на все четыре стороны, как обыкновенного батрака. В этих договорах, особенно в договоре 1914 года, полностью отразился гнет, который испытывали крестьяне Абхазии. Феодалы помещики, переходя к товарному хозяйству, стремились сохранить свои феодальные права. Вместо найма батраков, они приглашали на свои земли арендаторов, которые обрабатывали их поля, платой же за труд этих своеобразных сельскохозяйственных рабочих была та часть урожая, ко-

торая оставалась у «арендаторов» после уплаты «арендной платы»¹. Несмотря на то, что по приведенным договорам земля обрабатывалась инвентарем крестьян, а не помещика и, следовательно, сохранился один из основных признаков барщинного хозяйства, и в них отражился процесс превращения бедняка крестьянина в сельского рабочего.

Таковыми договорами были полностью охвачены селения Бабушеры, Варче, Ишалы, образовавшиеся на землях, арендуемых у князя Шервашидзе (к с.-з. от р. Кодор). Широкое распространение имели подобные договора и по всей Абхазии.

Иной характер носили договора, заключавшиеся с арендаторами табаководов. Эти договора еще с 80-х годов не знали натуральной аренды. Арендные ставки росли вместе с ростом цен на табак.

Г о д ы	Арендная плата ² в среднем за год за 1 десят.	%	Средние цены за один пуд табака	%
1880—1900	8—10 р.	100	6—10 р.	100
1900—1910	25—30 р.	300	12—15 р.	150
1910—1914	50 р.	500	25 р.	250

Аналогичны данные, приводимые сельскохозяйственными обзорами по Закавказью за 1912 и 1913 г. Тифлис, 1913 и 1914 г.

Средняя зарплата в руб. за десят. под табак

	1902 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	к 1902 г. процент
Тифлиск. г.	25,2	49,7	45,9	182,1	
Елисавет.	8,0	15,0	25,0	312,5	
Кутаиск.	18,8	28,2	37,8	201,0	
Эриванск.	27,5	55,0	48,5	176,3	
Сухумск. окр.	15,0	30,0	32,7	218,0	

По темпам роста арендной платы по Сухумскому округу отставал только по Елисаветпольской губ.

¹ Но даже и в этом случае, такая оплата „натурой“ труда арендаторов-батраков свидетельствует о пережитках крепостничества „как экономическая система, крепостничество именно тем и отличается от капитализма, что первое наделяет трудящегося землей, второй отделяет трудящегося от земли, первое натурой выдает трудящемуся (или заставляет его самого произвести на своем „наделе“) средства для жизни, второй выдает рабочему денежную плату, на которую он покупает средства для жизни“. Ленин. Капиталистический строй современного земледелия. Ленинский сборник XIX стр. 364.

² Данные по арендной плате взяты из журнала ЧСХ № 10-11 1913 г., № 3 1914 г., № 5-6 1915 г.

Более быстрый рост арендных ставок, чем цен на табак объясняется усиленным развитием табаководства в 99-е годы. — «Большая прибыльность» табаководства создавала ажиотаж вокруг земель, годных для использования под табачные плантации. Конкуренция между старыми табачными плантаторами и всеми теми, кто впервые стремился заняться табаководством — взвинчивала арендные ставки ¹.

Превращение земледельца в «промышленника», превращение земли в «товар», разрыв «с сословностью земледелия» не мог не сопровождаться и действительно сопровождался борьбой за хозяйственную самостоятельность земледельца-«промышленника». Рамки «устарелых учреждений» были тесны для развивающейся частной инициативы в сельском хозяйстве Абхазии. Не только для крестьянства, но и для нарождающейся аграрной буржуазии бюрократическая опека «военно-народного» колониального управления, вся политика которого была проникнута величайшим презрением к хозяйственным нуждам края, — становилась мало приемлемой. Такое положение, когда на все «земские нужды» Сухумского округа (дороги, народное образование, общественное призрение, ветеринария, медицина и т. д.) в начале XX ст. — 1903 г. было отпущено всего 15.325 рублей, содержание же полицейской стражи в Сухумском округе в том же году обходилось в 795 тыс. руб. ²), — могло не беспокоить крепостника-феодала, который мало заботился о развитии и усовершенствовании своего хозяйства — о рациональной постановке его. Но поскольку он переходил от хозяйства барщинного к хозяйству капиталистическому, поскольку он начинал рассматривать свое хозяйство, как хозяйство, которое работает на рынок, поскольку реализовался процесс перерастания крепостнического помещичьего хозяйства в хозяйство буржуазное, юнкерское, — постольку вчерашний крепостник начинал чувствовать на себе всю тяжесть капиталистической конкуренции, начинал заботиться о качестве и низкой себестоимости своей продукции, становился заинтересованным в строительстве дорог, которые обеспечили бы ему пути к рынкам сбыта сельскохозяйственной продукции, начинал думать и о народном здравоохранении

¹ Совершенно своеобразные отношения возникали в некоторых случаях при аренде земель на табак, в связи с высоким (относительно) уровнем заработков рабочих на табачных плантациях. О таких фактах говорил плантатор Шарафан на заседании кавказ. об-ва с-х хозяйства в марте 1905 г. «На казенных землях в Сухумском округе, указывал Шарафан, в соседстве с имением кн. Шервашидзе, основано несколько русских поселков, Крестьяне этих поселков сдают их в аренду армянам под табак, а сами работают у них в качестве рабочих, получая в день по 50-70 к. КСХ 1905 г., № 572.

² ЧСХ № 3. 1905 г.

и просвещении, которые обеспечили бы ему качество рабсилы, и о ветеринарии, которая гарантировала бы от эпидемий его рабочий скот. Приведенная выше «земская смета» его удовлетворить не могла. Он начинает считать никуда негодным хозяйствование, при котором из 200 тыс. дес. наделной земли в Абхазии в 1903 году «было засеяно всего около 60 тысяч, т. е. менее 30%», он протестует против того, что «из засеянных 60 тысяч десятин под кукурузу было занято 51½ тысяч десятин, под сады же, табак и другие более высокие культуры было занято всего лишь около 8 тысяч десятин»¹. Абхазская аграрная буржуазия отказывалась мириться с положением, когда в 1905 году «высокой стоимости, земли прибрежной полосы между Сухумом и Гаграми (до 1.000 рублей за десятину) приносят своим владельцам самые ничтожные доходы, не достигающие часто даже 1%»². Помещики-буржуа стремились к хозяйственной самостоятельности, становясь в оппозицию к чиновникам из колониального управления и поддерживаемым последним «устарелым учреждением» — пережиткам феодализма.

«Чины администрации, — писал в 1905 году один из деятелей Сухумского Общества Сельского Хозяйства Б. Н. Захаров, — лишены инициативы и самостоятельности, не могут иметь живого отношения к делу. . . . , и чиновник, принадлежащий к классу, не принимающему непосредственного участия в экономической жизни края и не имеющий, поему, возможности ясно представить себе существующие конкретные отношения, не в состоянии удовлетворить действительные потребности населения»³.

Но эта оппозиция могла быть, конечно, и фактически была весьма условной оппозицией. Абхазская аграрная буржуазия была кровно связана с последышами феодализма — ее развитие явилось результатом буржуазной эволюции, главным образом, помещичьего хозяйства, и ее требования «реформ» принимали более определенный характер лишь в те годы, когда подъем крестьянского движения угрожал существованию помещичьего хозяйства в целом, независимо от того, как далеко зашла его буржуазная эволюция. Тогда помещик-буржуа произносил «радикальные» фразы, которые должны были скрыть его родство с ненавистными для крестьян феодалами и колониальным управлением, должны были отвести от него гнев восставшей деревни. Когда же проходил первый испуг перед народным движением, от «радикализма» буржуазии оставалось очень мало — ее «оппозиция» скоро переходила в контрреволюцию. Царское прави-

¹ ЧСХ № 3, 1905 г.

² Там же.

³ Там же

тельство обеспечивало прусский тип буржуазной эволюции сельского хозяйства Абхазии, и это делало беззубыми все оппозиционные выпады аграрной буржуазии. С царизмом у нее шел спор лишь о праве на большую долю при грабеже трудящихся, крестьянское же восстание грозило ей полной ликвидацией. Поэтому — объединение с царизмом, прежде всего, для расправы с восстающей деревней было неизбежным для аграрной буржуазии, для помещиков-буржуа. Тесно переплетались с интересами феодально-помещичьей российской государственности интересы и той части абхазской аграрной буржуазии, которая не была непосредственно связана с помещичьим землевладением и образовалась в результате захвата земель торговым и финансовым капиталом — стремление к обеспечению экспроприации крестьянских земель, во-первых, и стремление к обеспечению развития сельскохозяйственного экспорта, во-вторых, — делали и эту часть аграрной буржуазии верным слугой русского императора.

В Абхазии центром «борьбы» за хозяйственную самостоятельность развивающейся аграрной буржуазии было возникшее в начале 900-х годов Сухумское Общество Сельского Хозяйства. Это общество имело своей целью «путем сближения и обмена мыслей местных сельских хозяев, выяснить с.-х. нужды своего района и, отыскивая общими силами удобнейшие пути к удовлетворению общих нужд, содействовать развитию и усовершенствованию сельского хозяйства в Сухумском округе»¹. Действительными членами Общества могли быть только землевладельцы. Это не значит, конечно, что в Общество входило трудовое крестьянство — членами его были крупные землевладельцы, как русские, так и абхазцы, чиновники, получившие земли, и т. п. Число членов общества было более 200. В январе 1905 года на общем собрании членов Общества Сельского Хозяйства действительным членом его Б. Н. Захаровым был прочитан доклад «О необходимости введения земских учреждений в Сухумском округе». В докладе отмечалось тяжелое состояние сельского хозяйства края в результате отсутствия в крае органов «земского самоуправления» — в результате хозяйствования «чиновников, принадлежащих к классу, не принимающему непосредственного участия в экономической жизни края». По докладу развернулись оживленные прения, во время которых часть выступавших заявила о несвоевременности поднятого вопроса, высказала опасения о возможности увеличении налогов (Е. А. Юрьевич — помещица из района Н. Афона), указывали на «неподготовленность» населения округа к введению земства (Д. Д. Жудра) и т. п., но момент для успеха таких речей был неудачный. Достаточно было одного упоминания о соседней Гурии (Г. Дабышев),

¹ Устав Сух. о-ва СХ Сухум, 1899.

где крестьяне в это время отказались платить налоги и давать новобранцев. — чтобы собрание «единодушно» постановило доклад Захарова напечатать в журнале Общества и избрать комиссию для проработки выдвинутого докладчиком вопроса¹. Комиссия разработала весьма «либеральную» резолюцию, в которой было отмечено: «1) что в настоящее время земские нужды населения не удовлетворяются и что для развития края необходимо в самом скорейшем времени введение земских учреждений, основанных на бессословности и цензе, не превышающем стоимости одного крестьянского надела земли; 2) что людей для этого найдется достаточно; 3) что средств для этого также хватит...»²

3-го апреля (ст. ст.) того же 1905 года Сухумское Общество Сельского Хозяйства пошло еще дальше и высказалось за «преобразование российского государственного строя» на следующих началах: 1) «немедленный созыв учредительного собрания на началах всеобщего и равного избирательного права и тайного голосования и 2) представительное правление, с ответственными перед ним министрами...»³. Это была кульминационная точка «революционности» абхазской аграрной буржуазии. По мере развития революции 1905—6 г.г. буржуазия скоро нашла свое место в рядах реакции.. «Либералы одной рукой, да и то очень-очень редко, помогали борьбе за свободу, а другую руку всегда протягивали царю», — писал Ленин о поведении либеральной буржуазии в 1905 году⁴. Абхазские либеральные аграрии не могли быть исключением. В 1909 году они еще пытались продолжать болтовню о «бессословном земстве»; в 1915 году они мирились уже с земством цензовым, избираемом по реакционнейшему царскому положению 1890 года, которое еще так недавно признавалось абхазской буржуазией «совершенно неприемлемым». В 1915 году аграриям было не до «земства» — внимание Сухумского общества Сельского Хозяйства в это время было сосредоточено на хлопотах о создании особой Сухумской губернии со чено на безоговорочной поддержке царизма, во имя «войны до полной своим губернатором и своим губерньским правлением. Заниматься грабежом абхазского трудового крестьянства можно было и без учредительного собрания.

Такой же грабеж, экспроприация крестьянских земель — освобождение крестьян «от земли» — был неизбежным следствием буржуазной эволюции помещичьего хозяйства.

¹ ЧСХ № 4, 1905 г.

² ЧСХ № 10-11, 1915 г.

³ ЧСХ № 3-4, 1917 г.

⁴ Соч. Ленина, т. XI, ч. II, ст. „Уроки революции“.

На состоявшемся в октябре 1911 года в г. Сочи сельскохозяйственном совещании Черноморского побережья, на котором присутствовали до ста помещиков, дачевладельцев, чиновников Главного Управления землеустройства и земледелия, торговцев табаком и т. п. «представителей» земледельческого населения Сочи, Адлера, Мацесты, Гагры один из участников совещания, сочинский землевладелец А. А. Костырев, выдвинул требование о необходимости «разрешить крестьянам свободную продажу земель, дабы негодный элемент из них уступил место более способному и предприимчивому». Другой участник этого «почтенного» собрания, помещик Д. Г. Розальон-Сошальский заявил еще более откровенно — «разрешение поселянам свободной продажи их земель» необходимо, нечего бояться «спекуляций, исходя из формулы: последний покупатель не уйдет». Подобные речи встречали одобрение всех собравшихся. Господа землевладельцы не боялись земельной спекуляции, требовали предоставления им права «скупики» крестьянских земель. Обезземеленное крестьянство должно было дать им рабочие руки для их поместий. Перепродажа крестьянских земель до «последнего покупателя» давала им возможность хорошо нагреть руки. Им нечего было бояться «спекуляций» — перспективы развития на абхазском побережье курорта делали особенно заманчивыми операции с земельными участками. Купить землю для того, чтобы сейчас же ее перепродать — было очень выгодным занятием. Помещики это хорошо сознавали. И, действительно, земельная спекуляция в приморской части Абхазии, начиная с 900-х годов, достигла исключительных размеров. Л. С. Личков, автор книги «Прошлое и настоящее Черноморского побережья Кавказа», вышедшей в Киеве в 1904 году приводит такие факты роста цен на земли на побережье — «цена на пустующие некультивируемые земли в 180—190—200 руб. за десятину даже в стороне от шоссе совсем не редкость, а о ценах в пригородном районе Сухума и говорить нечего: земля, удобная для дач, в городе доходит иногда до 50 и даже до 100 руб. за квадратный сажень, а это выходит от 120—240 тысяч за десятину. Насколько быстро идет повышение цен можно судить по тому, что участки, продаваемые по известной цене два года назад, теперь идут в продажу уже не по удвоенной цене, а по цене в 7—8, а иногда выше даже, чем в десять раз большей против прежней». О том же свидетельствует Г. Щербина в статье «Прошлое и настоящее хозяйственных нужд и культурных начинаний Черноморского

¹ В эти годы на побережье ощущался острый недостаток рабочих рук. См. Качаповский, Диссонансы нашего хозяйства. ЧСХ № 10, 1912 год.

побережья»¹. «Есть места (на побережье), — пишет он, где эти земли, ценившиеся по сто, по двести и много-много по триста рублей за десятину, теперь (1913г.) расцениваются по 7.000 руб., по 12 тыс. рублей, по 24 тыс. рублей за десятину». Характернейшим представителем земельных спекулянтов абхазского побережья был гагринский помещик доктор Нахимов, который купил в начале 900-х годов в Гаграх 28 десятин земли по 500 рублей за десятину, разделил всю купленную землю на 135 участков по 100 — 300 квадратных сажень и продавал их по цене в 10—30 руб. за кв. сажень или по 24—72 тыс. рублей за десятину. Прибыль 4.700—14.300% на затраченный капитал была выгоднее всякой врачебной практики. В начале 900-х годов в районе Сухума спекулировал земельными участками известный «благотворитель» Смецкой, в самом Сухуме — Чернявский. В Гудаутах до 1902 года продажа земельных участков была запрещена, в 1902 году запрет был снят и уже в 1903 году только арендная плата в этом, относительно, глухом местечке побережья поднялась до 240 руб. в год за десятину².

Участники сельскохозяйственного Черноморского совещания 1911 года знали, что они хотели, когда требовали разрешения свободной продажи крестьянских земель³.

¹ Труды съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа, том I СПб 1913 г.

² С. Васильев. Край гордой красоты. СПб 1903 г.

³ К этому времени «капитализм уже бесповоротно подорвал все основы старого аграрного строя России». Знаменитое Столыпинское аграрное законодательство, «Столыпинская ломка, которая тоже обновляет, на деле обновляет и приспособляет к капиталистическим отношениям старое землевладение, но только всецело в интересах помещиков» (Ленин, собр. соч. т. XI, ч. I.) — шло навстречу требованиям аграрной буржуазии. На абхазском побережье закон 9 ноября 1906 года нашел свое выражение в «инструкции по поземельному устройству населения Сухумского округа» от 14 января 1914 г. Согласно этой «инструкции» в Самурзакани в мингрельских общинах Гудавской, Шепшелевской, Баргевской, Набакеевской, Чубурис-хинджинской, Саберийской, Гальской, Окумской, Лецхурской и Бедийской, а также в абхазских общинах — Поквешской и Илорской, Кодорского уезда, всем жителям отводились на праве собственности (с правом продажи) из общинных земель усадебные, пахотные и возделанные садовые земли, приобретенные ими по обычному праву из состава земель всеословных общин, земли которым были выделены еще в 1870 г. В остальной Абхазии земли из общинного фонда нарезались лишь населению, приписанному к общинам. Право собственности на выделяемые участки и здесь было утверждено. Норма отвода была установлена в 3,27—7,65 га на двор, фактически она была меньше, т. к. фонд наделения, общинная земля не могла удовлетворить по этой норме списочное население. Землеустройство по инструкции 1914 г. до революции полностью закончено не было. (По материалам архива Госплана АССР Абхазии).

Таким образом, борьба за «хозяйственную самостоятельность» развивающегося буржуазно-помещичьего сельского хозяйства на Черноморском побережье Кавказа велась в двух направлениях — в направлении освобождения сельского хозяйства от бюрократической опеки и в направлении устранения пережитков крепостничества, стесняющих свободу капиталистической эксплуатации. Борьба первого рода нашла свое выражение в «земской кампании», борьба второго рода — в требовании свободы продажи крестьянских земель.

Добивалось своей «хозяйственной самостоятельности» и крестьянство Абхазии. Как и в России, его борьба — «борьба крестьянских и помещичьих интересов», не была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против буржуазии — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития¹. При прусском типе основным содержанием эволюции является перерождение крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях «феодалов-помещиков-юнкеров»², именно по этому типу совершалась буржуазная эволюция сельского хозяйства в Абхазии (и всей императорской России); при американском типе буржуазной эволюции «помещичьего хозяйства нет, или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера»³.

В условиях российской крепостнической государственности, борьба за «хозяйственную самостоятельность» крестьянства неминуемо превращалась в борьбу с этой крепостнической государственностью; ликвидировать помещичье землевладение можно было только свергнув царское самодержавие, опиравшееся на помещиков, прежде всего. В этом деле революционной демократизации политического строя России, как в метрополии, так и в колониях, единственным союзником крестьянства был городской промышленный пролетариат. Интересы аграрной буржуазии были прямо противоположны интересам буржуазии мелкой — крестьянства. Почти то же должно сказать и об интересах не только торгового, но и промышленного русского капитала — и российский купец, и российский промышленник были заинтересованы в том, чтобы преобразования государственного строя России «были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобра-

¹ Ленин, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-7 годов».

² Ленин. Там же.

³

зования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих»¹. Только пролетариат и его рабочая партия была «действительно надежным, до конца верным защитником интересов не только социализма, но и демократии, не только всех трудящихся и эксплуатируемых, но и всей крестьянской массы, борющейся против крепостнической эксплуатации»². В соседней с Абхазией Гурии крестьянская борьба за «хозяйственную самостоятельность», за ликвидацию помещичьего землевладения и политическую демократию вылилась в 1905 году в вооруженное восстание. Все сельские управления были сожжены, пристава и урядники изгнаны или перебиты, кабальные договоры с помещиками уничтожены. Руководство гурийским движением принадлежало рабочим. Гурийцы составляли значительную часть промышленных рабочих всего Черноморского побережья Кавказа. Батум был переполнен гурийскими рабочими³. Эти-то рабочие, не порывавшие связи с деревней, и встали во главе крестьянского движения. Когда в 1905 году в Гурию приехал губернаторский чиновник для расследования требований крестьян, то он получил, в качестве таких требований, программу-минимум РСДРП. Гурийское восстание было на редкость чистым образчиком «крестьянского движения, руководимого пролетариатом»⁴.

В Абхазии крестьянское движение — борьба крестьянства с пережитками феодализма и поддерживающей эти пережитки российской государственностью — не достигло тех размеров, как в Гурии и в остальном Закавказьи. Причина этого лежала в изолированности крестьянского движения в Абхазии, в общей численной ничтожности пролетарской прослойки на абхазском побережье. Тем не менее, и в Абхазии в 1905 году крестьянское движение приняло резко выраженный антиправительственный, антифеодальный характер, при чем и здесь максимум своего развития оно дало в тех районах, где влияние пролетариата среди крестьян было наибольшим.

Движение выливалось в поджоги и разгромы полицейских управлений (в марте 1905 года было сожжено полицейское управление в Очемчирах и была попытка поджечь полицейское управление в Гудаутах), в террористические акты против правительственных агентов (в феврале 1905 г. около сел. Гудауты был убит выстрелом из ре-

¹ Ленин, т. VI „Две тактики с.-д. в демократической революции“

² Ленин, т. VIII. Доклад о буржуазных партиях на Кондовском съезде.

³ Покровский. Русская история в самом сжатом очерке — часть III, стр. 318.

⁴ Там же, стр. 323.

вольера полицейский стражник Тристенецкий), в акты аграрного террора (в сентябре 1905 г. был убит начальник гагринской климатической станции—этого курорта, который под «высоким покровительством» князя Ольденбургского, занимался земельной спекуляцией на глазах у малоземельного и безземельного крестьянства), в захвате земель «пожалованных» царским правительством русским колонистам и в отказе от взноса податей (7-го марта ст. ст. 1905 г. газета «Кавказ» писала: «обнаружено волнение среди абхазцев, которые, под влиянием преступного подстрекательства злонамеренных лиц, совершают массовые самоуправства, отбирая у переселенцев отведенные им земли, учиняя другие насилия и отказываясь от взноса казенных податей»). В районе реки Кодор крестьянское движение было особенно сильно. На Кодорском лесопильном заводе Максимова работало много окрестных крестьян, которые были тесно связаны с деревней — семьи их постоянно там проживали. На этом заводе еще до 1905 года существовала социал-демократическая организация, которая распространяла свое влияние и на близ лежащие деревни. Насколько велико было это влияние видно из факта массового участия кодорского крестьянства в политической демонстрации рабочих завода Максимова — протеста против расстрела рабочих в Батуме. Когда же, во время демонстрации, руководители ее были арестованы, то это вызвало «внушительное брожение» среди крестьян всего Гумистинского уезда. Движение было быстро подавлено, но самый факт возникновения его показывает относительно высокий уровень классовой сознательности крестьянства и авторитет, которым пользовалась среди крестьян социал-демократическая партия ¹. Впоследствии, в годы 1908—1912, крестьяне селений, расположенных вблизи Сухума и Кодора, принимали участие в первомайских массовках, организованных сухумской организацией РСДРП, среди крестьян распространялась социал-демократическая литература, после 1912 же года распространялись, начавшие выходить в этом году в Петербурге, рабочие газеты («Правда», «Северный рабочий») ². Массовое аграрное движение в этом районе в 1905—6 г. г. дало нам образец и применения в деревне «специфически пролетарского средства борьбы» — стачки. Таковы были стачки арендаторов земель у князя Шервашидзе в деревнях Бабушеры, Варче, Пшалы и забастовки садовых рабочих ³. Последние были первым самостоятельным выступлением абхазского

¹ С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии, сборник «В истории революционного движения в Абхазии», Сухум, 1922 г.

² С. Жвания. «Из воспоминаний о работе в Абхазии», Сухум, 1922 г.

³ ЧСХ № 7, 1907 г.

сельскохозяйственного пролетариата и они, конечно, выходят за рамки борьбы за «американский тип» буржуазного развития сельского хозяйства, но поскольку они явились одновременно и одним из звеньев борьбы всего абхазского крестьянства с земельными магнатами — с «прусским типом» буржуазной аграрной эволюции, постольку их нельзя рассматривать вне общего крестьянского движения в Абхазии. Позднее, в годы 1912—14, своеобразные стачки, вернее бойкот, получили широкое распространение среди крестьян-виноградарей в Гудаутском уезде. В эти годы каждую осень гудаутские крестьяне устраивали «забастовку» и отказывались продавать виноград по тем ценам, которые назначили скупщики (4—6 руб. за 40—50 пудов)¹. «Забастовки» обычно заканчивались для крестьян неудачно, организованность крестьян была очень слаба, рынок непосредственно для крестьян был закрыт, скупщики винограда были достаточно сплочены, тем не менее и в этой борьбе крестьян уже не против помещиков, но против рыночных монополистов-скупщиков, в самом характере борьбы сказалось определенное организующее влияние примера «забастовщиков» — городского пролетариата.

В своей борьбе с царским правительством и его колониальными агентами, с помещиками-полуфеодалами, с крупными торговцами, захватившими сельскохозяйственный рынок в свои руки — крестьянство было едино.

Оно было едино, когда «бастовало» и требовало уничтожения кабальных договоров на аренду земель у князя Шервашидзе, оно было едино, когда отказывалось продавать виноград скупщикам-спекулянтам, оно единодушно поддерживало требование пересмотра акцизного устава 1882 года, отдававшего исключительное право торговли листовым табаком фабрикантам и оптовым торговцам (1914 г.), но внутри себя крестьянство едино уже не было. По мере развития товарного денежного земледелия, абхазское крестьянство дифференцировалось. «Сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата» — эти явления «противоречивой формы», «специфически свойственной капиталистическому строю» имели свое место и в абхазской деревне.

О выступлениях абхазского батрачества в 1905 году говорилось выше. — к этому году сельскохозяйственный пролетариат Абхазии, работавший не только у помещиков, но и у крестьян кулаков, выкристаллизовался, как определенная социальная величина, своим выступлением он показал, что процесс его созревания из стадии созревания «в себе» перешел уже в стадию созревания «для себя». Про-

¹ ЧСХ № 5-6, 1915 г.

цесс «раскрестьянивания» абхазского крестьянства — процесс его разложения — образования в ней сельской буржуазии и сельского пролетариата — с наибольшей яркостью выявился в наиболее товарной отрасли абхазского земледелия — в табаководстве ¹.

По имеющимся данным ² распределение табачных плантаций в Абхазии перед войной 1914 года, представляется в следующем виде:

В среднем за годы 1909—1913.

Размер плантаций	Число плантаций	% к общ. числу	Ср. размер площ. одн. плант.	Общая площадь плантаций	% к общ. площади всех плант.
До 1 десятины	2882	46,5	0,3 д.	865 д.	11,2
От 1—2 „	2164	34,9	1,5 „	3426 „	44,2
„ 2—5 „	1010	16,4	2,5 „	2525 „	32,6
„ 5—25 „	132	2,2	7,0 „	924 „	12,0
Всего	6188	100,0	1,2 „	7740 „	100,0

Почти 20% (18,6%) всех плантаций, имевших размер свыше 2-х десятин, почти наверное применяли наемный труд, 2,2% общего количества плантаций, имевшие размер свыше 5 десятин были определено кулацкие. Валовой доход одной кулацкой плантации, при средней урожайности, для рассматриваемого периода, в 54 пуда с десятины и при средних ценах в 25 рублей за пуд, равнялся 9.450 руб.

Еще более интересны данные о табачных плантациях селений

¹ Центроархив АССР Абхазии. Фонд 253.

² Сведения о появлении первых крупных плантаций, определенно кулацкого типа относятся еще к 1896 г. В вышедшем в Петербурге в 1897 г. „Отчет о ходе акцизного дела в Закавказском крае и Закаспийской области за 1896 г. читаем: в отчетном году в Сухумском округе появились два крупных плантатора Хаджи Георгий, имеющий плантацию в 40 десятин и Варк Чубар—две плантации в 20 десятин.

Яштух и Бырцх, возникших на землях, принадлежащих гор. Сухуму (1911 г.).

Селение Бырцх.

Размер плантаций	Число плантаций	% к общ. числу	Ср. размер плот. одн. плантац	Площадь в десятин.	% к общ. площади
До 1 десятины	12	8,6	0,76 д.	9,12 д.	1,9
От 1—2 „	30	21,5	1,66 „	49,80 „	40,4
„ 2—5 „	68	48,6	3,35 „	227,80 „	47,8
„ 5—25 „	30	21,4	6,32 „	189,60 „	39,9
Всего	140	100,0	3,46 „	476,32 „	100,2

Селение Яштух

Размер плантаций	Число плантаций	%	Сред. разм. плантац.	Площадь в десятин.	%
До 1 десятины	4	2,9	0,80 д.	3,20 д.	0,55
От 1—2 „	22	15,7	1,75 „	38,50 „	6,72
„ 2—5 „	70	50,0	3,33 „	233,10 „	40,68
„ 5—25 „	44	31,4	6,78 „	298,32 „	52,05
Всего	140	100,0	4,09 „	573,12 „	100,0

Сравнивая показатели по сел. Бырцх и сел. Яштух¹ с приведенными показателями по всей Абхазии, можно проследить степень расчленения абхазского крестьянства и в территориальном разрезе. Процент кулацких хозяйств, имеющих плантации размером от 5—25 десятин, в пригородных селениях повышается до 21,4% (сел. Бырцх) и даже до 31,4% (сел. Яштух) против 2,2% кулацких хозяйств среди всех табачных плантаций Абхазии.

В селениях, расположенных около крупнейшего торгового центра Абхазии — Сухума, процесс дифференциации крестьянства уже к

¹ По материалам архива Горплана Сухгорсовета.

1911 году зашел так далеко, что «вымывание» среднего крестьянства, занимающегося табаководством, в основном в них завершалось — свыше 75 % площади табачных плантаций в них было сосредоточено у крестьян, применяющих наемный труд. Середняки табаководы или выталкивались в зерновое, менее товарное хозяйство или превращались в рабочих на табачных плантациях кулаков. Влияние города на развитие капиталистических отношений в деревне сказалось здесь очень сильно.

Но и по всей Абхазии процесс постепенной концентрации в сельском хозяйстве «производства в руках меньшинства», выявлялся вполне определенно. Средняя площадь табачных плантаций в Абхазии росла из года в год:

Г о д ы	Сред. площ. 1 плант. в десят. по Абхазии	% роста
1893—1903	0,84 д.	100,0
1909—1912	1,23 „	146,4
1913—1914	1,33 „	158,3

В годы 1915—1916 средняя площадь табачных плантаций снижается до 0,92 дес. Это снижение явилось результатом кризиса, разразившегося на табачном рынке Абхазии в начале войны, но даже и в это время средний размер плантаций был выше, чем в годы 1893—1903.

Число табачных плантаций кулацкого типа росло значительно быстрее, чем общее число плантаций.

	1906 г.	1914 г.	Рост в проц.
Общ. число плантаций.	3678	9288	+ 152,5
В 5 и выше га	23	393	+1608,7 ¹

Расслоение абхазского крестьянства коснулось не только табаководческих хозяйств. И зерновое крестьянское хозяйство переживало ту же эволюцию. В с. Бырцх в 1911 г. среди крестьян, возделывающих кукурузу, было 9 семей, которые все вместе имели лишь 5,18 д. посева, или по 0,57 д. на семью и была одна семья, которая имела 12,04 д. посева, т.-е. посев значительно превышающий средний крестьянский надел в Абхазии того времени.

Отсутствие статистических данных не позволяет проследить процесс расслоения крестьянского зернового хозяйства с достаточной

¹ А. В. Фадеев. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум. 1932 г.

полнотой, но такие факты, как распространение перед войной 1914 г. в крестьянском хозяйстве Абхазии сельскохозяйственных машин, во-первых,¹ и рост вкладов в сберегательных кассах Сухумского округа, во-вторых, — подтверждают факт роста кулацких групп в абхазской деревне в те годы.

Проф. Кварацхелия, в своей книге «Сельско-хозяйственные районы Абхазии», упоминает, что в 1914 г. в двух южных районах Абхазии он встретил всего один легкий однолемешный плуг. Проф. Кварацхелия имеет в виду, очевидно, собственный крестьянский однолемешный плуг, так как прокат сельскохозяйственных орудий, именно в этом году, практиковался в абхазской деревне относительно широко.

Согласно отчета об агрономических мероприятиях в 1914 г. по Сухумскому округу², прокат сельскохозяйственных машин в этом году был распространен в Гудаутском уезде — в с. Бомборы, с. Петровском и с. Баклановке и по Кодорско-Самурзаканскому району — в с. Гудава, с. Мухури, с. Гали, с. Беслахуба. Прокат сельскохозяйственных орудий мог быть осуществлен только в крепких кулацких хозяйствах — по признанию самого автора отчета, — «на широкое распространение рядового машинного посева можно рассчитывать лишь среди хозяйств, владеющих более или менее сильными лошадьми». Бедняцкие хозяйства, не имевшие не только «сильных», но и зачастую и вообще лошадей, о прокате сельскохозяйственных машин не могли и мечтать. Применять сел.-хоз. машины они могли только нанимаясь в батраки к кулакам и помещикам. Сохранившийся перечень машин, бывших в прокате, указывает на кукурузу, как основную культуру хозяйств, использовавшей машины (в прокате были по Гудаутскому району — кукурузные сеялки, кукурузные сортировки, кукурузные молотилки и кукурузная дробилка, то же и по Кодорско-Самурзаканскому району).

Не менее показателен и рост вкладов в сберегательных кассах Сухумского округа (см. таблицу на стр. 71).

Усиленный рост количества вкладчиков (при росте среднего вклада с 87 руб. до 103 руб.) по почтово-телеграфным сберкассам, указывает на увеличение числа вкладчиков крестьян, которыми, конечно, не могли быть ни бедняки, ни середняки, выносившие на своих плечах всю тяжесть и докапиталистической и капиталистической эксплуатации.

¹ Единичные случаи применения сельхоз. машин в помещичьем хозяйстве относятся еще к началу 90-х годов пр. ст. См. об этом у Рыбинского — «Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении». Тифлис, 1894 г.

² ЧСХ № 3, 1915 г.

Движение сумм в сберегательных кассах Сухумского округа¹.

	На 1 янв. 1911 г.		На 1 янв. 1912 г.	
	Число вкладов	Сумма	Число вкладов	Сумма
Центр. сберкасса	2354	526354 р.	2589	558278 р.
Почт.-телегр. кассы	1601	140643 „	1915	197715 „
Всего	3955	666997 „	4504	755993 „

О дифференциации в Абхазии крестьянского хозяйства в 1917—1918 г. г., в первый год меньшевистской диктатуры, имеется ряд данных. Так, по результатам произведенного в 1918 году Гумистинской Уездной Земской Управой учета земельного обеспечения сельского населения в ряде селений Гумистинского уезда (Сух. района) мы имеем такие характернейшие показатели: ².

Группы дворов	Число двор.	Число душ	Всего земли	Земли на душу
Селение Дубовка				
1. Безземельн.	8	15	—	—
2. До 5 дес.	3	16	8 д.	0,5 д.
3. От 5—10 „	26	106	212,5 „	2,08 „
4. „ 10—25 „	—	—	—	—
5. „ 25—50 „	1	11	25,5 „	2,3 „
Всего	38	148	246 „	1,6 „
Селение Суворовка				
1. Безземельн.	17	68	—	—
2. До 5 дес.	4	16	14,25 „	0,89 „
3. От 5—10 „	29	144	216,75 „	1,5 „
4. „ 10—25 „	5	26	52,5 „	2,02 „
5. „ 25—50 „	—	—	—	—
Всего	55	254	283,50 „	1,11 „

¹ К. К. 1913 г.

² Центроархив АССР Абхазии

Группы дворов	Число двор	Число душ	Всего земли	Земли на душу
Селение Беслетка				
1. Безземельн.	13	35	—	—
2. До 5 дес.	135	614	250,72 "	0,4 "
3. От 5—10 "	35	176	200,00 "	1,14 "
4. " 10—25 "	1	7	12,00 "	1,7 "
5. " 25—50 "	—	—	—	—
Всего	184	832	462,72 "	0,55 "
Селение Дранды				
1. Безземельн.	16	55	—	—
2. До 5 дес.	48	171	134,87 "	0,78 "
3. От 5—10 "	43	172	290,5 "	1,68 "
4. " 10—25 "	3	24	34,0 "	1,41 "
5. " 25—50 "	—	—	—	—
Всего	110	422	459,37 "	3,87 "
Селение Гумиста				
1. Безземельн.	1	1	—	—
2. До 5 дес.	98	427	236,7 "	0,55 "
3. От 5—10 "	42	254	235,0 "	0,92 "
4. " 10—25 "	3	19	30,0 "	1,5 "
5. " 25—50 "	1	7	35,0 "	5,0 "
Всего	145	708	536,7 "	0,7 "
Селение Мерхеулы				
1. Безземельн.	37	103	—	—
2. До 5 дес.	125	524	332,6 "	0,63 "
3. От 5—10 "	63	336	385,1 "	1,1 "
4. " 10—25 "	22	120	273,0 "	2,27 "
5. " 25—50 "	3	28	97,0 "	3,4 "
Всего	250	1111	1087,7 "	0,97 "

Данных учета по всем селениям бывш. Гумистинского уезда до нас не дошло, но и сохранившиеся приведенные показатели по 6-ти селениям отчетливо характеризуют дифференциацию крестьянского хозяйства. По всем 6-ти селениям мы имеем такую картину:

Группы дворов.	Число двор.	% к общ. числу двор.	Всего земли	% к общ. числу дес. земли
1. Безземельные	92	11,76	—	—
2. До 5 дес.	413	52,81	977,14 „	31,78
3. От 5—10 „	238	30,44	1539,85 „	50,07
4. „ 10—25 „	34	4,35	401,25 „	13,05
5. „ 25—50 „	5	0,64	157,50 „	5,10
Всего	782	100,0	3075,74 „	100,0

Буржуазной эволюцией к 1917—1918 г. г. было захвачено, в той или иной мере, сельское хозяйство всего абхазского побережья. Развитие капиталистических отношений прикладывало себе дорогу через все рогатки, создаваемые «устарелыми учреждениями». Помещичье хозяйство эволюционировало к хозяйству юнкерскому, основанному на наемном—не крепостном—труде, хозяйству товарному, работающему на рынок. Эволюционировало и крестьянское хозяйство. Крестьяне Абхазии боролись за американский тип буржуазной эволюции, требовали ликвидации «устарелых учреждений» и, если и были побеждены в этой борьбе, то самое развитие ее показывает осознание крестьянством своих экономических интересов. Вместе с тем, внутри абхазского крестьянства, параллельно с развитием товарного крестьянского хозяйства, зрели внутренние противоречия. Крестьянство дифференцировалось, шло по неизбежному пути всякого буржуазно-капиталистического хозяйства — выделяло из себя «класс товаро-производителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».

Своего завершения буржуазная аграрная эволюция в Абхазии не получила вплоть до революции. Развитие производительных сил абхазского сельского хозяйства тормозилось. Абхазское сельское хозяйство вплоть до революции оставалось крайне отсталым хозяйством. В первые годы XX столетия из всей площади культурной почвы

ходившейся в Абхазии «во владении поселян всех национальностей» — 89.412 десятин обрабатывалось всего около 33%, остальная же площадь находилась «в крайне запущенном виде»¹.

Феодальные пережитки были еще очень сильны, они были уничтожены только Октябрьской революцией, которая победила в Абхазии в 1921 году, революцией, поставившей вопрос уже не об американском типе буржуазной аграрной эволюции, но о социалистической реконструкции сельского хозяйства. И не только поставившей этот вопрос, но и разрешающей его.

кр
ство
азно-к
варо-про
емных рас

Своего за
получила вплоть
хазского сельского
ство вплоть до рев.
В первые годы XX ст.